

ДОКЛАД

№ 99 / 2024

Российский совет
по международным
делам

Внерегиональные акторы на Ближнем Востоке

Андрей Картунов
Александр Аксененок
Алексей Давыдов
Лида Оганисян
Александр Ломанов
Алексей Куприянов
Иван Бочаров

РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ

МОСКВА 2024

УДК 327(5-011)

ББК 66.4(533)

В60

Российский совет по международным делам

Авторы:

канд. ист. наук **А.В. Кортунов**, канд. юр. наук **А.Г. Аксененко**, канд. полит. наук **А.А. Давыдов**,
канд. полит. наук **Л.Д. Оганисян**, д-р ист. наук **А.В. Ломанов**, канд. ист. наук **А.В. Куприянов**, **И.А. Бочаров**

Рецензенты:

д-р полит. наук **В.А. Кузнецов**, канд. ист. наук **В.Ю. Смирнов**

Редакторская группа:

канд. ист. наук **С.М. Гаврилова** (ответственный редактор), **И.А. Бочаров**, **А.П. Корзун**,
Д.О. Растегаев (выпускающий редактор)

В60 **Внерегionalные акторы на Ближнем Востоке:** доклад № 99 / 2024 / [А.В. Кортунов, А.Г. Аксененко, А.А. Давыдов и др.; под ред. С.М. Гавриловой, И.А. Бочарова, А.П. Корзун, Д.О. Растегаева]; Российский совет по международным делам (РСМД). — М.: НП РСМД, 2024. — 76 с. — Авт. и ред. указаны на обороте тит. л.

ISBN 978-5-6051643-3-3

Доклад посвящен изучению ближневосточной политики внерегиональных акторов, особенностям ее трансформации в меняющихся условиях. Авторы доклада сосредоточились на изучении стратегии России, США, ЕС, Китая и Индии на Ближнем Востоке. В докладе также рассматривается восприятие странами Ближнего Востока внерегиональных акторов в контексте их стремления к выстраиванию прагматичных и сбалансированных отношений с внешними партнерами.

Высказанные в докладе мнения отражают исключительно личные взгляды и исследовательские позиции авторов и могут не совпадать с точкой зрения Некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам».

Полный текст доклада опубликован на интернет-портале РСМД. Вы можете скачать его и оставить свой комментарий к материалу по прямой ссылке — russiancouncil.ru/report99

Содержание

Введение	4
Глава 1. Основные приоритеты ближневосточной политики России	14
Глава 2. Политика США на Ближнем Востоке	22
Глава 3. Политика Европейского союза на Ближнем Востоке	28
Глава 4. Основные приоритеты Китайской Народной Республики на Ближнем Востоке	36
Глава 5. Основные направления ближневосточной политики Индии	45
Глава 6. Внерегиональные акторы в восприятии стран Ближнего Востока	51
Заключение	70
Об авторах	73

Введение

Кортунов А.В. «Война — слишком серьезное дело, чтобы доверить ее военным», — справедливо заметил когда-то выдающийся французский дипломат и государственный деятель Шарль Морис де Талейран-Перигор. Перефразируя это уже давно ставшее хрестоматийным высказывание, можно констатировать, что Ближний Восток — слишком важный регион для всего мира, чтобы оставить ближневосточные дела на усмотрение исключительно региональных игроков. Эти дела всегда остро интересовали многочисленных соседей региона, причем не только самых близких, но и весьма отдаленных. Поэтому на Ближнем Востоке, в отличие от некоторых других регионов мира, никогда не существовала самодостаточная региональная подсистема международных отношений, изолированная или по крайней мере автономная по отношению к более широкой евразийской или даже глобальной системе.

История распорядилась так, что в течение многих столетий и даже тысячелетий Ближневосточный регион оставался ареной противоборства мощных держав, многих из которых, строго говоря, следует считать внерегиональными акторами. Столкновения Греции и Персии, Рима и Сасанидов, христианской Европы и Арабского халифата, великих держав Запада и Османской империи — все эти длительные и ожесточенные конфликты, не исключавшие, впрочем, и самого разностороннего сотрудничества, так или иначе происходили с участием внешних сил, нередко выступавших в роли основных гарантов или разрушителей региональной стабильности. В свою очередь, политика государств Ближнего Востока тоже нередко выходила за географические пределы региона, а среди их целей было распространение своего влияния на Центральную Азию, Южный Кавказ, Балканы или Пиренейский полуостров.

Так было и в XX в., в эпоху распада колониальных империй и возникновения в регионе многочисленных национальных государств. После подписания соглашения Сайкса-Пико в 1916 г. и завершения Первой мировой войны в 1918 г. почти весь Ближневосточный регион попал под прямой или опосредованный контроль Великобритании и Франции. А после Второй мировой войны Ближний Восток на несколько десятилетий оказался одной из важнейших арен геополитического противостояния США и СССР. После распада Советского Союза в начале 1990-х гг. главным и фактически монопольным внешним «провайдером безопасности» в регионе стали Соединенные Штаты.

Казалось бы, утвердившийся в регионе к концу прошлого столетия американский монополизм должен был бы привести к утверждению стабильной — пусть и не обязательно демократичной или безоговорочно справедливой — многосторонней системы безопасности в регионе на многие годы вперед. Однако политические реалии очень скоро развеяли такие ожидания и надежды. Даже на пике своего международного влияния Соединенные Штаты не смогли добиться решающего прогресса в израильско-

палестинском урегулировании, и прошедшие в июле 2000 г. переговоры Эхуда Барака с Ясиром Арафатом в Кэмп-Дэвиде окончились неудачей. А начавшаяся в марте 2003 г. военная операция США и их партнеров в Ираке нанесла масштабный и долговременный ущерб не только этой стране, но и региональной стабильности в целом.

Драматические события во многих странах региона начала 2010-х гг., получившие название «арабская весна» или «арабское пробуждение», разумеется, имели преимущественно внутренние социально-экономические и политические причины. Тем не менее «арабская весна» продемонстрировала в том числе и провал стратегии «внешнего управления» регионом, несостоятельность планов строительства «Большого Ближнего Востока» под эгидой США с опорой на консервативные авторитарные режимы стран региона. На положение Соединенных Штатов в регионе немалое влияние оказала и неудачная двадцатилетняя военная интервенция в Афганистане, завершившаяся поспешным и плохо организованным выводом американских войск из этой страны в конце лета 2021 г.

С другой стороны, надежность Соединенных Штатов как незаменимого гаранта региональной безопасности и стабильности стала подвергаться сомнениям еще и потому, что в ходе «сланцевой революции» конца 2000-х — начала 2010-х гг. американская экономика практически избавилась от своей зависимости от поставок углеводородов из Ближневосточного региона, что не могло не сказаться на его месте в общей системе внешнеполитических приоритетов США. Центр внимания Вашингтона уже со времен администрации Барака Обамы все более явственно смещался в сторону Восточной Азии, а главный вызов американским интересам все более отчетливо ассоциировался не с угрозой исходящего из Ближневосточного региона международного терроризма, а с растущей экономической, технологической и военной мощью Китая.

Параллельно с этими процессами с начала текущего столетия в регионе наблюдалось постепенное повышение уровня политического и экономического присутствия других внерегиональных акторов. Некоторые из них возвращались на Ближний Восток после периода вынужденного снижения внимания к проблемам региона, другие фактически открывали для себя этот регион заново. В политическом плане, наверное, самой заметной тенденцией стало возвращение в регион России, что было, в частности, наглядно продемонстрировано в непосредственном вовлечении Москвы в вооруженный конфликт в Сирии на стороне президента Башара Асада осенью 2015 г. Россия последовательно укрепляла свои традиционные связи с ведущими странами арабского мира: Египтом, Ираком, Алжиром — и расширяла сотрудничество с арабскими государствами Залива, при этом продолжая движение в направлении стратегического партнерства с Исламской Республикой Иран (ИРИ).

Примерно в 2014 г. Китай превзошел США по общему объему торговли со странами региона, и в последующее десятилетие этот разрыв продолжал

неуклонно увеличиваться. Аналогичная тенденция наблюдалась и в сфере прямых инвестиций в регион, где Китай существенно опередил Соединенные Штаты в реализации крупных инфраструктурных проектов, прежде всего в рамках долгосрочного проекта создания новых транспортных коридоров «Один пояс, один путь». Естественно, укрепление экономических позиций Китайской Народной Республики (КНР) в регионе не могло не сопровождаться постепенным ростом и политических амбиций на Ближнем Востоке. Например, в марте 2023 г. Китай содействовал восстановлению дипломатических отношений между Ираном и Саудовской Аравией. Значение Ближнего Востока повышалось и для Индии, рассматривавшей ведущие государства региона в качестве своих стратегических партнеров и опиравшейся на многочисленные индийские диаспоры, а также на длительную историю экономического и культурного взаимодействия с государствами, находящимися в западной части Индийского океана.

На фоне обострения геополитической обстановки в мире, быстрой эскалации общей конфликтности в отношениях между великими державами, внерегиональным акторам становится более сложно, а во многих случаях и невозможно координировать свои позиции по самым фундаментальным проблемам региона. Взаимодействие великих держав в регионе все чаще приобретает формат «игры с нулевой суммой», когда дипломатический или экономический успех одной стороны автоматически воспринимается как поражение другой.

В результате фактически была прекращена активность созданного в начале века «Квартета» по ближневосточному урегулированию. Не удалось существенно продвинуться в создании целостной системы коллективной безопасности в зоне Персидского залива. Не получилось добиться восстановления многостороннего соглашения по ядерной программе Ирана 2015 г. Не была остановлена продолжающаяся с 2014 г. ожесточенная гражданская война в Йемене. Не восстановлены суверенитет и территориальная целостность Сирии. Список таких неудач нетрудно продолжить. Если раньше, даже в период холодной войны, вовлеченность внерегиональных акторов при определенных условиях оказывала стабилизирующее воздействие на ситуацию в регионе, то сегодня их участие все чаще становится дополнительным дестабилизирующим фактором, затрудняющим достижение взаимоприемлемых внутререгиональных договоренностей.

Наверное, самым ярким свидетельством неспособности внешних игроков договориться о единой позиции в отношении крупных проблем региона стала их реакция на беспрецедентную эскалацию израильско-палестинского конфликта, начавшуюся 7 октября 2023 г. Хотя нападение боевиков ХАМАС на южный Израиль было единодушно осуждено как акт международного терроризма, а последующие действия Израиля в секторе Газа подверглись критике за непропорциональное и неизбирательное применение военной силы, основным внерегиональным акторам так и не удалось обеспечить принятие коллективных решений, способных остановить кровопролитие.

Отсутствие консенсуса между постоянными членами Совета Безопасности ООН ведет к тому, что наносимый продолжающимся конфликтом ущерб международной репутации Израиля воспринимается руководством этой страны как приемлемый. В начале октября 2024 г. министр иностранных дел Израиля Исраэль Кац даже объявил генсека ООН Антониу Гутерриша персоной нон грата, тем самым показав, что в Израиле не слишком опасаются негативных последствий наметившейся международной изоляции.

Было бы соблазнительным свести существующие расхождения в позициях внерегиональных игроков по ключевым вопросам безопасности и развития Ближнего Востока к общему бинарному геополитическому противостоянию Востока и Запада. Однако реальная картина выглядит намного сложнее умозрительной биполярной схемы. Например, по вопросам иранской ядерной программы и новых санкций в отношении Исламской Республики позиции США и стран Европейского союза расходятся более чем существенно. Более того, например, по проблемам израильско-палестинского урегулирования принципиальные разногласия возникают также и внутри самого Евросоюза, что затрудняет выработку единой «европейской позиции» в отношении Израиля и Палестины. Очевидно и то, что позиции Китая и Индии по многим ключевым ближневосточным вопросам хотя и пересекаются в значительной степени, но совпадают далеко не во всем.

Расхождения в позициях и приоритетах отдельных внерегиональных акторов по отношению к Ближневосточному региону связаны со многими объективными факторами, которые едва ли принципиально изменятся в обозримом будущем. Например, в мире в той или иной степени сохраняется зависимость от поставок ближневосточных энергоресурсов. Если для Китая, Индии и Европейского союза регион остается одним из главных источников столь необходимых углеводородов, то Соединенные Штаты и Россия выступают, скорее, конкурентами Ближнего Востока на глобальных энергетических рынках. Не одинакова политическая и экономическая роль ближневосточных диаспор в жизни отдельных внерегиональных стран. Арабско-мусульманские сообщества гораздо многочисленнее и лучше организованы в Европе, чем в США, а их присутствие в Западной Европе более заметно, чем в Центральной Европе. Индийская диаспора в Ближневосточном регионе гораздо многочисленнее и в целом влиятельнее китайской или российской.

Возможно, при других обстоятельствах такая асимметрия позиций внерегиональных акторов по отношению к региону могла бы оказаться позитивным фактором, а асимметричные возможности этих игроков влиять на политическую и экономическую динамику региона органично дополняли бы друг друга. К сожалению, на данный момент речи о такой взаимодополняемости не идет. Неготовность великих держав искать точки соприкосновения и достигать компромиссов по ближневосточным вопросам закономерно снижает и коллективную способность внерегиональных игроков оказывать воздействие на развитие событий в регионе. Однако подобное обособле-

ние Ближнего Востока от внешнего влияния совсем не обязательно должно приводить к повышению ответственности самих региональных держав. Как показывает пример нынешнего руководства Израиля, в результате отсутствия жесткого контроля со стороны внерегиональных акторов может возникнуть ощущение вседозволенности и полной безнаказанности.

Теоретически можно было бы предположить, что в сложившихся обстоятельствах внешние игроки постараются минимизировать свою вовлеченность в дела Ближневосточного региона, проводя стратегию сдерживания исходящей оттуда нестабильности. Однако изолировать Ближний Восток в международных делах не представляется возможным: последствия региональной нестабильности в любом случае будут чувствоваться по всему миру в виде резких скачков цен на энергетические ресурсы, всплесков международного терроризма, новых неуправляемых миграционных потоков. «Отгородиться» от Ближнего Востока международному сообществу не получится, а потому решение сложных проблем безопасности и развития в регионе в обозримом будущем останется не только региональной, но и глобальной задачей.

В то же время не будет преувеличением сказать, что стабильный и процветающий Ближний Восток мог бы сыграть немаловажную роль в решении проблем безопасности и развития не только в соседних регионах, но и в мире в целом. Ближний Восток — это не только источник нефти и газа. Регион располагает более чем значительными демографическими, экономическими, технологическими и иными ресурсами; он в состоянии внести свой уникальный вклад в решение многих общих задач, стоящих перед человечеством, включая управление климатом, противодействие политическому экстремизму, развитие искусственного интеллекта, сохранение биоразнообразия. Поэтому заинтересованная и конструктивная вовлеченность международного сообщества в дела Ближнего Востока — это не политическая благотворительность, а инвестиции в общее будущее. Так или иначе, основным внерегиональным акторам и региональным игрокам рано или поздно придется договариваться об общих, пусть и не обязательно юридически закрепленных правилах игры на Ближнем Востоке, и способность к достижению таких договоренностей станет одним из важных критериев будущего регионального и глобального лидерства.

Недавние драматические события в Сирии вновь поставили вопрос о мере ответственности великих держав за положение дел на Ближнем Востоке. Шок от происходящего в Сирии вполне сравним, если не превышает эмоциональный эффект от нападения боевиков ХАМАС на южный Израиль 7 октября 2023 г. Два этапа регионального кризиса тесно связаны друг с другом: не будет преувеличением утверждать, что декабрь 2024 г. стал прямым, пусть и отложенным во времени продолжением октября 2023 г. Политическая карта Ближневосточного региона вновь резко меняется, что требует и от непосредственных соседей Дамаска, и от внерегиональных игроков заново определить свои задачи и приоритеты, надежды и опасе-

ния, касающиеся уже бывшей Сирийской Арабской Республики (САР), да и Ближнего Востока в целом.

Конечно, всегда можно заявить, что судьба Сирии в конечном счете зависит от самих сирийцев. Но реальность состоит в том, что страна уже в течение многих лет остается площадкой ожесточенного международного противостояния, где за каждой сирийской политической и военной силой стоят могущественные иностранные партнеры и спонсоры. А потому роль внешних факторов в начавшемся постасадовском политическом транзите никак нельзя недооценивать.

В международном экспертном сообществе существует точка зрения, что решающую роль в определении будущего Сирии должны сыграть региональные державы, которые в наибольшей степени страдают от нынешней сирийской нестабильности и в наибольшей же степени выиграли бы в случае успеха сирийского политического транзита. Однако следует признать, что ни одно из этих государств не располагает ни достаточными военными и экономическими ресурсами, ни необходимой политической волей для того, чтобы взять на себя ответственность за будущее сирийской государственности. Поэтому алгоритм действий сирийских соседей так или иначе будет продиктован преимущественно текущими оппортунистическими интересами и меняться в зависимости от динамики событий на территории Сирии. Соглашения между региональными игроками по сирийским вопросам вполне возможны, но они будут чаще иметь тактический, чем стратегический характер. К этому выводу подталкивает и то обстоятельство, что интересы главных региональных игроков на сирийском направлении не только не совпадают, но очень часто оказываются прямо противоположными друг другу.

Для Турции важно сохранить максимум влияния на новое руководство в Дамаске, вернуть хотя бы часть из находящихся на турецкой территории многочисленных сирийских беженцев на родину и вместе с тем по возможности не допустить создания у себя под боком радикального исламистского государства. Наверное, Реджепу Эрдогану было бы намного комфортнее, если бы в Дамаск вошли подразделения лояльной Анкаре Сирийской национальной армии, а не гораздо менее управляемые боевики «Хайят Тахрир аш-Шам»*. Еще более важная задача для Турецкой Республики — добиться капитуляции и последующей полной ликвидации формирований сирийских курдов на севере страны; в Анкаре полагают, что эти группы создают экзистенциальные угрозы не только для Сирии, но и для самой Турции.

Приоритетом Израиля остается нанесение невосполнимого ущерба сохранившемуся военному потенциалу Сирии. Кроме того, в цели Биньямина Нетаньяху входит полное вытеснение Ирана из Сирии и окончательное закрепление за Израилем сирийских Голанских высот. В Израиле также опасаются чрезмерного усиления турецкого влияния в Сирии, перспек-

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

тивы превращения этой страны в своеобразный «турецкий протекторат», что, по мнению многих израильских политиков, способно рано или поздно привести к прямому турецко-израильскому военному столкновению. Израиль не устраивают и жесткие турецкие действия в отношении сирийских курдов.

Иран вынужден заниматься минимизацией ущерба своим интересам и позициям сирийского шиитского меньшинства, а также поиском возможностей поддерживать союзную Тегерану «Хезболлу» в условиях, когда Израиль последовательно разрушает действовавший долгое время сухопутный мост в Ливан. В Тегеране не могут не испытывать озабоченности в связи с усилением как турецких, так и израильских позиций в Сирии.

Ираку нужно опасаться дестабилизирующего воздействия сирийских событий на свои восточные регионы. Общая граница двух стран, через которую сейчас идет поток беженцев, включая военнослужащих уже бывшей сирийской армии, составляет почти 600 километров. Те же опасения возможного трансграничного перехлеста сирийской нестабильности должны озадачить премьер-министра Ливана и короля Иордании.

А вот великие державы на то и великие, что не могут позволить себе роскошь ситуативного оппортунизма. Они по определению должны мыслить стратегически. Подчеркнем еще раз: сейчас совсем не лучшее время для поиска консенсуса между ними, весь мир находится в состоянии ожесточенного геополитического противостояния. И все же, если оставить за скобками политическую риторику, интересы великих держав в отношении постасадовской Сирии в значительной мере совпадают.

Во-первых, никто не заинтересован в распаде Сирии на несколько мини-государств. Не только потому, что эти мини-государства, скорее всего, окажутся нежизнеспособными, но и потому, что нарушение территориального статуса-кво способно запустить цепную реакцию пересмотра границ в Ближневосточном регионе с непредсказуемыми, но крайне опасными последствиями.

Во-вторых, никто из ответственных игроков не может выиграть от превращения Сирии в новый крупный очаг политического экстремизма и международного терроризма в самом центре арабского мира. Трагическая судьба Ирака после свержения Вашингтоном и его союзниками режима Саддама Хуссейна весной 2003 г. должна служить предостережением для всех. От повторения иракских событий двадцатилетней давности в сегодняшней Сирии пострадали бы все — не только ближайшие соседи Дамаска, но и заокеанские великие державы.

В-третьих, в общих интересах не допустить восстановления потенциала химического оружия, которым когда-то располагал Дамаск, и который был уничтожен в рамках российско-американской договоренности, достигнутой в сентябре 2013 г. Возможности возобновления производства химического оружия в Сирии не вполне очевидны, но опасения на этот счет все же существуют.

В-четвертых, есть общая заинтересованность в том, чтобы огромные и разнообразные арсеналы обычных вооружений, накопленные всеми участниками многолетней гражданской войны в этой стране, не попали в руки безответственных экстремистских групп, будь то внутри страны или за ее пределами. Частично эту задачу сейчас решает Израиль силовыми средствами, но едва ли еврейское государство в состоянии сделать это в одиночку, да еще используя исключительно военную силу.

В-пятых, для всех важно исключить перспективу масштабной гуманитарной катастрофы в Сирии, порожденной нехваткой продовольствия, топлива и базовых медикаментов, развалом систем государственного и муниципального управления, сохранением очагов вооруженного насилия, повышенной активностью криминальных группировок и другими факторами.

В-шестых, всем хотелось бы надеяться, что новый политический режим в стране будет инклюзивным, что в скором будущем Сирия получит современную конституцию, и в новой политической системе найдется место представителям всех этнических и конфессиональных групп сложного сирийского общества. Никто не хотел бы увидеть наступления в Сирии эпохи средневековой гендерной дискриминации и сегрегации.

В-седьмых, в общих интересах предотвратить новую миграционную волну с территории Сирии, которая могла бы захлестнуть соседние страны и докатиться до других регионов. Более того, желательно, чтобы хотя бы какая-то часть из восьми миллионов сирийских беженцев, находящихся сейчас на Ближнем Востоке, в Европе и в других местах, вернулась к себе домой и приняла участие в восстановлении разрушенной гражданской войной страны.

В-восьмых, есть общая заинтересованность в том, чтобы постасадовская Сирия продолжила уже начатый процесс возвращения в семью арабских государств, цель которого — перестать быть одной из многочисленных проблем арабского мира и превратиться в конструктивного участника строительства новой системы региональной безопасности и развития.

Достаточно ли этих общих интересов для того, чтобы отделить Сирию от негативного глобального геополитического контекста? Скептики, несомненно, скажут, что всего этого недостаточно и дальнейшее развитие событий в стране неизбежно будет восприниматься в Брюсселе и в Москве, в Вашингтоне и в Пекине как «игра с нулевой суммой». Действительно, в сложившихся обстоятельствах трудно рассчитывать на принятие каких-то долгосрочных многосторонних программ постконфликтного восстановления страны или хотя бы на согласование Советом Безопасности ООН подробной «дорожной карты» содействия государственному строительству в Сирии. Еще менее вероятным выглядит запуск какого-то сирийского «квартета» или «квинтета» по образцу созданного в 2002 г. объединения России, США, ООН и Евросоюза для координации усилий по урегулированию израильско-палестинского конфликта.

Однако не стоит спешить с выводами: прошедшее 9 декабря 2024 г. в закрытом режиме заседание СБ ООН по Сирии продемонстрировало редкое в наши дни единство принципиальных подходов великих держав к происходящим в стране событиям. Постпред России в ООН Василий Небензя подчеркнул, что общность позиций распространяется на вопросы «сохранения территориальной целостности и единства Сирии, обеспечения защиты гражданского населения, обеспечения доставки гуманитарной помощи нуждающемуся населению»¹.

Конечно, единство может оказаться хрупким и недолговечным. За основными внешними игроками в сирийском конфликте тянется длинный шлейф взаимных обид, претензий, подозрений и разногласий, мешающих каждому из них выступить естественным и легитимным лидером в усилиях по национальному примирению. С другой стороны, фактическое «самоустранение» великих держав от сирийской проблемы по формуле американского президента Дональда Трампа: «Это не наша война, надо дать этой ситуации разрешиться самой по себе», — фактически означает делигитимацию великих держав как ведущих ответственных игроков мировой политики. Одна из неотъемлемых характеристик великой державы — способность и готовность обеспечивать глобальные и региональные общественные блага, брать на себя ответственность за решение сложных задач, которые оказываются непосильными для других игроков мировой политики.

В нынешней обстановке инициатива по совместным усилиям в предотвращении негативных сценариев дальнейшего развития событий в Сирии могла бы исходить от тех ведущих государств «мирового большинства», которые не были напрямую вовлечены в военное противостояние в этой стране. Например, Китай или Индия могли бы выступить с предложениями по созданию многосторонней платформы для проектов постконфликтного восстановления Сирии. Одобрение такого рода формата Совбезом ООН стало бы важным стимулом не только для национальных программ экономической помощи, но и для частных инвесторов из Евросоюза, Восточной Азии и стран Залива. Одновременно более активная вовлеченность лидеров глобального Юга в стабилизацию положения в Сирии и недопущение превращения этой страны в очередное «неудавшееся государство» стали бы наглядным подтверждением меняющегося статуса глобального Юга в международной системе, важным шагом в формировании нового, более справедливого и репрезентативного мирового порядка.

Нынешняя обстановка в Сирии остается крайне неустойчивой и подвижной. Баланс между умеренными и радикалами, между прагматиками и идеологами, между толерантностью и нетерпимостью, между порядком и хаосом, между гражданским миром и гражданской войной может измениться в любой момент. Ближайшие месяцы и даже недели могут оказаться решающими для определения траектории развития страны на многие годы вперед.

¹ Небензя рассказал о позиции СБ ООН по ситуации в Сирии // РБК. 10.12.2024.
URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/675770319a79472052853aa6>

Именно в такие переломные моменты истории и проверяется на практике способность великих держав соответствовать своему особому статусу в мировой политике. Хотелось бы надеяться, что они окажутся на высоте стоящих перед ними вызовов.

В очередном докладе РСМД ведущие российские эксперты анализируют особенности стратегических подходов к Ближневосточному региону таких «традиционных» внерегиональных игроков, как Россия, США и Европейский союз, а также сравнительно новых — Китая и Индии; рассматривают восприятие этих подходов внутри самого региона. В разделах доклада отражены как долгосрочные тенденции в стратегиях внерегиональных акторов на Ближнем Востоке, так и их реакция на последние события в регионе, включая военные операции Израиля в секторе Газа и на юге Ливана, атаки йеменских хуситов на корабли в Красном море, обмены ракетными ударами между Израилем и Ираном, многочисленные попытки международного посредничества. Хочется надеяться, что это издание окажется полезным для экспертов-международников, студентов и преподавателей, для журналистов и дипломатов, а также для всех, кто интересуется динамикой Ближнего Востока — одного из наиболее сложных и наименее предсказуемых регионов современного мира.

Глава 1. Основные приоритеты ближневосточной политики России

Аксененок А.Г. На протяжении всей истории России Ближний Восток по разным причинам был и остается для нее если не приоритетным, то важнейшим направлением внешней политики и военной стратегии. В этом есть свои вечные доминанты геостратегического, религиозного, культурного и цивилизационного характера. Как в имперские, так и в советские времена российским властям приходилось сосредотачивать политическую активность и значимую часть военных сил на южных рубежах ввиду большой протяженности границ и угроз безопасности, причем со стороны не только соседних государств, но и западных держав. К тому же этот регион всегда рассматривался частью территориально и стратегически связанной с Россией Центральной Азии. Немалое значение имели также духовные связи с ближневосточными единоверцами, большой ареал коренного мусульманского населения в самой России и, разумеется, давние торгово-экономические интересы.

Современную ближневосточную политику России XX в. — первой четверти XXI в. можно разделить на три этапа. Каждый из них имеет свои существенные особенности, связанные с поворотами в ее внутривнутриполитическом развитии и с трансформациями в глобальной политике.

В условиях биполярного противостояния отношения с регионом Ближнего Востока рассматривались руководством Советского Союза с точки зрения геополитического соперничества с Соединенными Штатами. Идеология тогда была ключевым критерием при принятии решений, что нередко вызывало разногласия в высших эшелонах власти, в частности, между МИДом и международным отделом ЦК КПСС. В официальном дискурсе теоретическим обоснованием борьбы двух систем за сферы влияния служила концепция «социалистической ориентации», которая подразделяла арабский мир на «реакционные» монархии, поддерживающие США, и т.н. государства социалистической направленности. Вместе с тем «арабский социализм» существенно отличался от советской его модели, за исключением, пожалуй, южнотюркских поборников «научного социализма».

С позиций сегодняшнего дня можно видеть, что именно идеологическое давление во внешней политике лежало в основе целого ряда ошибок, которые позволили Г. Киссинджеру тактикой «шаг за шагом» переигрывать Советский Союз, как всегда «последовательно» выступавшего за «всеобъемлющее урегулирование» арабо-израильского конфликта и осуждавшего «сепаратные сделки».

Интересное объяснение политики США по отстранению Советского Союза от процесса мирного урегулирования дает видный американский дипломат Г. Сондерс, архитектор Кэмп-Дэвидских соглашений. В свое время он тесно сотрудничал с Е.М. Примаковым в рамках Рабочей группы по региональным

конфликтам, созданной на полях дипломатии «второго трека» — Дартмутской конференции.

Г. Сондерс отмечал три причины для проведения политики по отстранению СССР от процесса мирного урегулирования. Первая причина — заинтересованность Москвы в поддержке позиции арабов, а не в достижении прогресса в мирном урегулировании, которое потребовало бы учитывать и израильские интересы. Вторая заключалась в том, что американские переговорщики считали чрезмерно формалистичными подходы советской дипломатии, не позволявшими оперативно адаптироваться к сложившейся ситуации и эффективно действовать в новых условиях. Третья причина состояла в амбициях Вашингтона в «киссинджеровский период», когда достижение и демонстрация стратегического преимущества над СССР было одним из американских приоритетов.

При этом именно в этот период СССР реализовывал крупные промышленные проекты в Египте, Ираке, Сирии, Алжире, Йемене, направлял в арабские страны технических и военных специалистов, развивал культурные контакты, что заложило прочную основу для дальнейшего развития сотрудничества со странами Ближнего Востока.

Двустороннее экономическое сотрудничество также проявлялось в выдаче кредитов странам региона, прежде всего в военно-технической сфере. На момент распада Советского Союза значительную часть задолженности стран Азии и Африки составляли именно долги некоторых арабских государств.

В период 1990-х — начала 2000-х гг. Россия снизила политическую активность в регионе и ослабила экономические позиции на Ближнем Востоке, в том числе из-за внутривнутриполитических потрясений и финансового кризиса тех лет. Вместе с тем в неменьшей степени ослабление внимания к Ближнему Востоку и в целом к странам, по терминологии того времени, «третьего мира» было вызвано резким, во многом импровизированным внешнеполитическим разворотом от конфронтации с Западом до заикленности на отношениях с ним вплоть до иллюзий о возможности «стратегического партнерства» с Соединенными Штатами.

Возвращение России на Ближний Восток в первом десятилетии XXI в. и постепенное восстановление традиционного баланса сил происходило уже в иных условиях. Россия стала уделять приоритетное внимание обеспечению национальных интересов, а не системному противоборству и «идеологизмам» прошлого. Российская дипломатия стала возвращать утраченные позиции, для чего был задействован весь накопленный ранее опыт в отношениях с арабскими странами.

Россия скорректировала подходы к выстраиванию сотрудничества с арабскими государствами и стала развивать отношения по широкому спектру различных направлений, руководствуясь соображениями прагматического характера, в первую очередь в областях экономики и региональной безопасности. На этой основе получило новый импульс развитие конструп-

тивного сотрудничества с традиционными партнерами, например, Алжиром, Египтом и Ираком, стало выстраиваться взаимодействие с быстро набирающими экономический и политический «вес» участниками Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) во главе с Саудовской Аравией.

Особую роль в отношениях с арабскими странами сыграло то, что Россия никогда не воспринималась колониальной державой, в отличие от многих западных государств. Поддержка национально-освободительных движений в государствах Ближнего Востока позволила снискать их уважение, несмотря на окончание эпохи панарабизма и арабского национализма в регионе.

Россия проявила уникальное умение поддерживать конструктивные отношения с противоположными сторонами региональных противостояний, а также выступала посредником между противостоящими друг другу акторами — Саудовской Аравией и Ираном, Сирией и Турцией, Ираном и Турцией, сирийскими курдами и правящим режимом в Дамаске, враждующими между собой палестинскими организациями. Партнерство с Ираном все больше приобретало союзнический характер, а в отношениях с Турцией хоть и с большим трудом, но всегда удавалось находить компромиссы, несмотря на имеющиеся разногласия. Все это формировало новый образ России в регионе уже накануне 2011 г., когда массовые протесты вызвали цепную реакцию смены режимов и гражданских войн. Арабский мир, как тогда казалось, вошел в полосу системных потрясений.

К тому времени Россия сумела частично вернуть утраченные позиции и на этой основе придерживалась линии гибкого реагирования на неожиданные повороты в событиях «арабской весны», в то же время проявляя настойчивость и последовательность в отношениях с региональными игроками в вопросах, касающихся ее непосредственных интересов. Сохранение такой линии поведения способствовало росту влияния РФ не только на Ближнем Востоке, но и на международной арене в целом.

Следует отметить, что при всей непредсказуемости такой обвальноей дестабилизации региона прямое военное вовлечение России в политические процессы на Ближнем Востоке было продиктовано не только соображениями регионального порядка. Важное значение имели глобальные стратегические приоритеты — возвращение России статуса мировой державы без обращения к конфронтации.

«Арабская весна» не стала проблемным вопросом в отношениях России и западных стран, несмотря на некоторую разность подходов в оценке этих событий. США и ряд европейских государств традиционно идеологизировали арабские революции, в то время как Россия поддерживала не демократические лозунги, а справедливые чаяния арабских народов и их право на лучшую жизнь. При этом Россия обращала внимание на необходимость решения проблем посредством диалога и недопустимость иностранного вмешательства во внутривнутриполитические процессы. Российская дипломатия

выработала собственную линию и не рассматривала события «арабской весны» в черно-белой оптике, как это делали в некоторых других странах.

Интернационализация ливийского конфликта, который был одним из проявлений «арабской весны», затруднила его урегулирование. По причине того, что принятая резолюция Совета Безопасности ООН № 1973 разрешила применение силы, но не определила его пределы и условия, западные страны смогли повлиять на динамику гражданского конфликта и изменить ситуацию в пользу вооруженной оппозиции.

Россия расценила ливийские процессы как еще одно проявление тенденции к интервенционизму и приоритету фактора силы, и впоследствии заняла жесткую позицию при обсуждении резолюций и голосованию о положении в Сирии. В первое время, в 2011–2016 гг., военно-политическая поддержка сирийского режима вызывала серьезные трения в отношениях с группой арабских государств и с Турцией — инициаторами тактики смены режимов путем внешнего вмешательства на стороне оппозиции. Дальнейшее развитие сирийского конфликта показало правильность российской аргументации.

Российские ВКС по приглашению законного правительства САР успешно провели операцию в этой стране и были готовы к координации международных усилий для борьбы с террористической угрозой. Если бы призывы к сотрудничеству по борьбе с терроризмом были услышаны американской коалицией, то этот прецедент мог бы позитивно повлиять на региональную обстановку в целом.

По мере того, как благодаря решительным действиям России происходило усиление правительства Сирии, а вооруженная оппозиция все больше попадала под влияние воинствующих исламистов, Саудовская Аравия оценивала перспективы развития ситуации все более реалистично. Несмотря на существующие разногласия, взаимодействие между Россией и арабскими государствами Персидского залива выстраивалось на основе общности интересов в региональной и глобальной политике. Принципиальная поддержка Сирии со стороны России была позитивно оценена Саудовской Аравией, особенно по сравнению с двусмысленной, по мнению арабов, политикой США, которые не выступили на стороне Хосни Мубарака в ходе событий 2011 г. в Египте. Однако в последующие годы неспособность Башара Асада договариваться с сирийской оппозицией и его нежелание прислушиваться к настойчивым советам России взять курс на сближение с Турцией способствовали девальвации накопленного политического капитала.

Экономические интересы российского бизнеса на Ближнем Востоке стали важным элементом внешней политики. Хотя объем торговли оставался небольшим до 2000-х гг., с 2008 г. он начал расти. К 2023 г. товарооборот с государствами Ближнего Востока и Северной Африки достиг 95 млрд долл.²

² Russia's trade with Middle East and North Africa soaring — minister // RT. 14.05.2023.
URL: <https://www.rt.com/africa/576131-russia-middle-east-africa-trade/>

Стали успешно развиваться торгово-экономические отношения с традиционными партнерами, в том числе с Алжиром и Египтом. В 2022 г. двусторонняя торговля с Алжиром увеличилась на 70%³. Позитивные сдвиги произошли и в деловом партнерстве с Египтом. В частности, было подписано соглашение о предоставлении российским компаниям промышленной зоны для инвестиций⁴. Российско-египетское сотрудничество развивается и в области энергетики. Помимо сотрудничества в нефтегазовой сфере, развивается кооперация в области мирного атома. Так, российская компания Росатом возводит в Египте АЭС «Эль-Дабаа».

Больше всего выросла торговля с арабскими государствами Персидского залива, товарооборот с ними увеличился с 3,7 млрд долл. в 2013 г. до 9,3 млрд долл. в 2022 г.⁵ При этом 90% товарооборота между государствами приходится на российский экспорт, в основном на поставки продукции ТЭК и металлов, древесины, зерновых, удобрений. Поставки оборудования за этот период тоже увеличились, но незначительно, не более чем на 10%. Особое место в техническом сотрудничестве занимает участие российских компаний в сооружении объектов энергетики и капитального строительства в странах Залива, а также реализация инвестиционных проектов в нефтегазовом секторе.

Важно отметить, что в последние два десятилетия Россия заняла ведущее место в качестве экспортера зерна. По данным ООН, на Россию приходится 34,4% поставок зерновых культур в страны Ближнего Востока и Северной Африки. Самые крупные импортеры из числа арабских стран: Судан (90%), Египет (60,4%), Йемен (26,7%)⁶.

Арабские государства остаются важным покупателем российского оружия. На фоне успехов российских ВКС в Сирии возросла доля России в экспорте вооружений на Ближний Восток. Так, с 2016 по 2020 гг. Россия и Алжир заключили контракты на сумму 4,2 млрд долл., что сделало Алжир третьим по величине партнером России в этой области после Индии и КНР⁷. С 2019 г. этот список пополнился такими странами, как Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар.

Один из ключевых приоритетов ближневосточной политики России — решение проблемы безопасности в Персидском заливе. В условиях усиле-

³ Максим Решетников: «Алжир — один из наших самых важных союзников в Африке» (на франц. Maxim Reshetnikov: «L'Algérie est l'un de nos alliés les plus importants en Afrique») // *Algérie Patriotique*. 14.06.2023. URL: <https://www.algeriepatiotique.com/2023/06/14/maxim-reshetnikov-lalgerie-est-lun-de-nos-allies-les-plus-importants-en-afrique/>

⁴ Россия и Египет подписали соглашение о создании российской промышленной зоны в Египте // Минпромторг России. 23.05.2018. URL: <https://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/40b91a1b-86ad-4609-8c21-04baa0327d5b>

⁵ Macroeconomic and Financial Data // International Monetary Fund Direction of Trade Statistics. URL: <https://data.imf.org/regular.aspx?key=61013712>

⁶ The impact of the Ukraine war on the Arab region: Food insecurity in an already vulnerable context // Arab Reform Initiative. 11.03.2022. URL: <https://www.arab-reform.net/publication/the-impact-of-the-ukraine-war-on-the-arab-region-food-insecurity-in-an-already-vulnerable>

⁷ Infographic: Which countries buy the most Russian weapons? // Al Jazeera. 09.03.2022. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/3/9/infographic-which-countries-buy-the-most-russian-weapons>

ния конфронтации в регионе российская концепция обеспечения безопасности в этом районе мира сегодня приобрела особую актуальность.

В энергетической области развитие сотрудничества по линии ОПЕК+ с 2019 г. приобрело настолько устойчивый характер, что его можно небезосновательно назвать стратегическим партнерством. Центральное место в работе этого механизма занимает согласование позиций между Россией и Саудовской Аравией, что позволяет странам ОПЕК+ регулировать цены на энергоресурсы на мировом рынке.

Другая российская компания, Стройтрансгаз, успешно выполнила свои обязательства по строительству в Саудовской Аравии нефтепровода протяженностью 217 км и водопровода протяженностью 900 км. Близок к завершению проект ЛУКОЙЛа по разведке и обустройству газового и газоконденсатного месторождения. В ОАЭ функционирует порядка 40 представительств российских компаний и более 300 совместных предприятий, в том числе в сфере промышленного производства, торговли, гостиничного бизнеса, туризма, грузоперевозок, недвижимости⁸.

В зоне Персидского залива, где расположены крупные финансовые центры и осуществляются грандиозные программы экономической диверсификации, российский бизнес имеет перспективы в сфере инвестиционного сотрудничества. В 2011 г. создан Российский фонд прямых инвестиций, сделавший ставку на взаимовыгодное сотрудничество с крупными суверенными фондами Саудовской Аравии, Катара, Кувейта, ОАЭ и Бахрейна. В период 2011-2022 гг. капиталы арабских инвесторов под гарантии государства успешно направлялись в такие важные сектора российской экономики, как инфраструктура, фондовый рынок, энергетика, медицина, информационные технологии.

Развитие государствами региона разноплановых отношений с Россией имеет особое значение в контексте их стремления проводить самостоятельную политику и диверсифицировать связи с внешним миром.

Ближневосточные страны остро ощущают негативные последствия нового витка глобального противостояния в рамках реализации целей развития. Оно подрывает устойчивые связи в мировой экономике и финансах, мешает нормальному международному сотрудничеству в решении трансграничных проблем. Реакция лидеров государств региона на обострение отношений между Россией и Западом показывает их заинтересованность в выработке нового формата взаимодействия на международной арене, а также демонстрирует, что идеологических центров притяжения в мире больше не существует. Налицо стремление стран Ближнего Востока создать благоприятные условия для решения своих внутренних проблем без иностранного вмешательства.

⁸ Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России: монография / А.В. Лукин. — М.: Международные отношения, 2018. — 592 с.; Ближний Восток: на переломе эпох // Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / А.Г. Аксенонок. — М.: Международные отношения, 2018. С. 411.

Ближний Восток стал уже не тем, каким он был два-три десятилетия назад. Из объекта геополитики он превратился в серьезного действующего субъекта. Большинство из ближневосточных государств не приемлют американский диктат, отказываясь присоединиться к западным санкциям в связи с ситуацией на Украине и выдерживая нейтралитет, то есть проводя политику балансирования (*balancing act*). Таким образом, становление многополярного мира, проходящее через глобальное противоборство, не оказало существенного влияния на позиции России на Ближнем Востоке в политическом плане. Свидетельством этому стало, среди прочего, присоединение нескольких стран региона к формату БРИКС.

В то же время нельзя не отметить, что по мере продолжения противостояния на Украине Россия начинает испытывать затруднения на ближневосточном направлении. Нынешняя политическая неопределенность и санкционная политика Запада объективно накладывают ограничения на развитие российско-арабских отношений в торгово-экономических и инвестиционных областях. Большинство ближневосточных стран имеют особые партнерские отношения с США и не могут противодействовать их давлению под угрозой введения вторичных санкций.

Торговля с ОАЭ выросла в 2022 г. на 68%⁹, однако к началу 2024 г. два ключевых экономических партнера Москвы в регионе — Турция и ОАЭ — стали ограничивать платежное взаимодействие с российскими контрагентами. Арабские инвестиционные фонды также были вынуждены заморозить свою деятельность.

Сократилось и военно-техническое сотрудничество. По данным Стокгольмского института исследования проблем мира (*SIPRI*), поставки вооружений на Ближний Восток из стран Запада в 2019–2023 гг. выросли с 62% до 72%, в то время как доля России упала за тот же период на 53%¹⁰.

Подводя итог, следует сказать, что, несмотря на прямую военную вовлеченность России в конфликт на Украине и репутационные потери в связи со свержением режима Башара Асада, российская дипломатия сохраняет способность продолжать многовекторный политический курс на ближневосточном направлении.

В условиях беспрецедентного давления со стороны Израиля арабские государства стараются сохранять те контуры региональной разрядки, которые обозначились до трагических событий 7 октября 2023 г. Иран проявляет сдержанность, избегая прямой эскалации с Израилем. Контакты в сфере безопасности между Ираном и Саудовской Аравией, в том числе впервые на уровне министров обороны, продолжают в прежнем режиме. Египет, Катар, ОАЭ участвуют в посреднических миссиях в попытках добиться пре-

⁹ Товарооборот между РФ и ОАЭ в 2022 году вырос до \$9 млрд // ТАСС. 20.02.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17094049>

¹⁰ European arms imports nearly double, US and French exports rise, and Russian exports fall sharply // SIPRI. 11.03.2024. URL: <https://www.sipri.org/media/press-release/2024/european-arms-imports-nearly-double-us-and-french-exports-rise-and-russian-exports-fall-sharply>

кращения огня в секторе Газа, Оман оказывает содействие в налаживании закрытого канала коммуникации между Ираном и Соединенными Штатами. Заработали механизмы многосторонней дипломатии в рамках Лиги арабских государств (ЛАГ), арабо-исламских саммитов, ССАГПЗ. Саудовская Аравия объявила о начале работы по созданию международной коалиции с целью образования палестинского государства¹¹.

В разгар новой фазы палестино-израильского конфликта одним из ведущих акторов на Ближнем Востоке стала Турция. За последние два года Реджеп Эрдоган сумел совершить непростой поворот к арабскому миру, что выразилось в нормализации двусторонних отношений и контактов на высшем уровне с Египтом, Саудовской Аравией и ОАЭ. При этом Турция сделала целый ряд шагов навстречу своим арабским партнерам, лишив организацию «Братья-мусульмане»* и связанные с ним средства массовой информации свободы деятельности на турецкой территории и выдворив из страны активных членов движения¹². Кризис вокруг Газы ускорил процесс сближения Турции с многосторонними арабскими организациями, такими как ЛАГ и ССАГПЗ, и вывел их взаимодействие на новый уровень с акцентом на «региональное решение региональных проблем».

Независимо от того, как решится вопрос о российском военном присутствии в Сирии и как будут развиваться события в этой стране, смена власти в Дамаске открывает для Москвы новые возможности. Во-первых, политика России на Ближнем Востоке больше не связана с арабским «союзником», быстро терявшим международную легитимность. Во-вторых, Россия имеет опыт отношений с политическими исламистскими движениями, в том числе внесенными в «черный список» террористических организаций. Так было, например, в отношениях с Алжиром в 1990-е гг., с Египтом в период президентства Мохаммеда Мурси в 2012–2013 гг. и с Афганистаном. Наконец, несмотря на ослабление рычагов военного влияния, Россия остается важным участником многосторонней дипломатии по Ближнему Востоку, и любой власти в Сирии придется принимать это во внимание. В этих условиях международные усилия по урегулированию в Сирии могут стать точкой совпадения интересов многих стран и получить новый импульс.

Однако нужно иметь в виду, что по мере развития мировых процессов в конфронтационном русле государства Ближнего Востока осознают, что экономическая и финансовая база России не в полной мере соответствует глобальным амбициям ее внешней политики. Придется также учитывать, что Ближний Восток — не анти-Запад: глубокое разочарование «двойными стандартами» в политике Соединенных Штатов в век высоких технологий не может не сочетаться с жизненной необходимостью и заинтересованностью в продолжении тесного сотрудничества с ними во многих областях.

¹¹ Эр-Рияд создает международную коалицию для реализации решения о Палестине и Израиле // ТАСС. 27.09.2024.
URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21978551>

¹² Turkey in MENA, MENA in Turkey // Stiftung Wissenschaft und Politik. 15.03.2024.
URL: <https://www.swp-berlin.org/publikation/turkey-in-mena-mena-in-turkey#hd-d29475e2597>

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

Глава 2. Политика США на Ближнем Востоке

Давыдов А.А. С избранием в 2021 г. президентом США Джозефа Байдена начался новый этап развития внешней политики Соединенных Штатов на Ближнем Востоке. На протяжении более чем полувека и особенно последних десятилетий вовлечение Вашингтона в развитие региона было не только высоко значимым, но в ряде областей и принципиальным. В течение большей части второй половины XX в. Ближний Восток представлялся для США ареной противодействия советской экспансии, особенно по мере развития национально-освободительного движения и становления национальных государств в регионе. После окончания холодной войны и в первую очередь после терактов 11 сентября 2001 г. Соединенные Штаты от одной администрации к другой стали формулировать в рамках своей внешней политики отдельные, непосредственно ближневосточные стратегии.

С окончанием войн в Ираке и Афганистане, снижением влияния транснациональных террористических групп Аль-Каиды* и «Исламского государства»* и переориентацией глобальной стратегии США из-за изменения природы международных вызовов команда Дж. Байдена оказалась первой за два последних десятилетия администрацией Белого дома, которая не представила собственного видения политики по отношению к Ближнему Востоку¹³. Основными объектами внимания демократической администрации стали российско-украинский конфликт, риск эскалации кризиса вокруг Тайваня, дальнейшее противодействие влиянию Китая. Даже внезапная и стремительная эскалация палестино-израильского конфликта не привела к созданию новой ближневосточной стратегии Соединенных Штатов в ходе нынешнего избирательного цикла.

К концу первой четверти XXI в. привычная для исследователей картина приоритетного положения Ближнего Востока в американской внешней политике трансформировалась и стала приобретать новые очертания. Конфронтация с Москвой и Пекином вывела страны региона из основного фокуса внимания Вашингтона, что актуализирует ряд вопросов. Какие очертания сохраняет и приобретает внешняя политика Соединенных Штатов на ближневосточном направлении? Насколько справедливо утверждать, что проблематика Ближнего Востока уверенно отходит во внешнеполитической стратегии США на периферийный план? Остается ли регион стратегически значимым для Вашингтона? Для ответа на эти вопросы необходимо обратиться к природе эволюции приоритетности Ближневосточного региона во внешнеполитической стратегии США и очертить ее действующие и потенциальные контуры до конца 2020-х гг.

¹³ Davydov A. On the New Quality of the U.S. Middle East Policy // Russia: arms control, disarmament and international security. Moscow: IMEMO, 2022. P. 117-134.

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

Эволюция приоритетности Ближнего Востока для США

Хотя отношения Соединенных Штатов и стран Ближнего Востока имеют глубокие корни, уходящие еще в первую половину XIX в., регион начал приобретать центральное место во внешней политике США с середины XX в., а степень американской заинтересованности достигла своего пика только в начале XXI в. С самого начала развития американской внешней политики и до Второй мировой войны государства Ближнего Востока интересовали Белый дом преимущественно с точки зрения международной торговли в качестве одного из новых рынков сбыта. Отдельные всплески интереса Вашингтона происходили по причинам, скорее, частного тактического характера: в частности, из-за ущемления прав американских граждан еврейского и армянского происхождения в Турции на рубеже XIX–XX вв.¹⁴ или попыток разместить военный контингент США в Республике Армения после Первой мировой войны¹⁵.

Изменению этого подхода в середине XX в. способствовали два фактора. Во-первых, Соединенным Штатам было необходимо обеспечить себе более выгодные и надежные условия доступа к углеводородам в регионе и содействовать подрыву позиций Франции и Великобритании, которые на тот момент были ключевыми конкурентами США. Во-вторых, катализатором выстраивания отношений со странами Ближнего Востока стала холодная война.

Для сдерживания экспансии влияния Советского Союза в регионе и продвижения СССР к богатым нефтью районам Персидского залива Соединенные Штаты стали выстраивать систему военных союзов с государствами Ближнего Востока. На этом историческом этапе степень демократичности политических режимов государств региона не получала приоритетного внимания со стороны США. Главной угрозой представлялся потенциально возможный перехват Москвой инициативы по поддержке национально-освободительных движений и новых государств, получивших независимость и проходивших начальный этап своего становления и поиска национальной идентичности¹⁶. Ключевой опорой Соединенных Штатов в регионе стали Турция, Саудовская Аравия, блок СЕНТО, включавший Ирак, Пакистан и шахский Иран до революции 1979 г., а также Египет при Анваре Садате. Эти страны стали служить не только основой продвижения интересов США в регионе, но и рынком сбыта американских вооружений¹⁷.

Однако в регионе также существовал качественно иной, более тесный, союз — американо-израильский. Отношения США с Израилем развивались

¹⁴ Например, см.: Cleveland G. Fourth Annual Message (second term) // The American Presidency Project. 07.12.1896. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/fourth-annual-message-second-term>; McKinley W. Third Annual Message // The American Presidency Project. 05.12.1899. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/third-annual-message-15>

¹⁵ Давыдов А. Закавказье в стратегическом фокусе США // Россия и новые государства Евразии. 2023. № IV (LXI). С. 185-199.

¹⁶ Давыдов А. «Продвижение демократии» США — Концепция и практика // Ближний Восток: политика и идентичность. Москва: Изд-во «Аспект-Пресс», 2024. С. 261-275.

¹⁷ Кислов А.С. «Ближневосточная политика США» // Современная внешняя политика США. М.: Наука, 1984. Т. 2. С. 252-278.

на более глубокой основе, которая помимо военно-стратегического сотрудничества включала экономические, социальные и в определенной степени даже религиозно-идеологические составляющие, что сильно отличалось от отношений с другими ближневосточными партнерами. По мере развития арабо-израильского конфликта, особенно после Шестидневной войны 1967 г., США все больше убеждались в том, что Израиль — сильная и лояльная региональная держава, с которой следует развивать тесные взаимоотношения. Тем не менее Соединенные Штаты не стали заключать с Израилем юридически обязывающий военный или оборонительный союз ради сохранения уже сложившейся системы союзов с арабскими государствами и формального нейтралитета при общении с другими региональными партнерами¹⁸.

Такие события, как Исламская революция 1979 г. в Иране, ирано-иракская война 1980–1988 гг. и особенно окончание холодной войны и распад СССР, перестроили стратегические императивы США и определили новый этап развития американской политики в регионе. В глобальном измерении американской внешней политики утвердилась экспансионистская стратегия¹⁹, при этом на ближневосточном направлении в конце XX в. этот тренд не был столь наглядным. США в большей степени стремились поддерживать стабильность в регионе для обеспечения собственных интересов в энергетической сфере и поддержания безопасности, в том числе урегулирования арабо-израильского конфликта²⁰. При этом вопросы внутривнутриполитического устройства стран Ближнего Востока, программы по демократизации их институтов и защите прав человека в американской общей внешнеполитической практике оставались маргинальными.

Теракты 11 сентября 2001 г. качественно изменили американское стратегическое видение политики на ближневосточном направлении. Утверждение международного терроризма в качестве центральной угрозы во внешней политике Соединенных Штатов происходило вместе с развитием представлений об условиях его генезиса. По отношению к природе исламистских и националистических движений после Исламской революции в Иране 1979 г. и природе политических режимов на Ближнем Востоке в американском политическом истеблишменте сформировался скептицизм, поскольку они стали ассоциироваться с дестабилизирующими для внешней политики Вашингтона тенденциями в регионе. Кроме того, после изменения положения России в 1991 г. элиты США начали более уверенно относиться к возможности насаждения третьим странам демократической модели общественного развития любыми методами, даже силовыми²¹. Сочетание

¹⁸ Давыдов А.А., Самарская Л.М. «Особые отношения» США и Израиль: структурные основы и фактор Трампа // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. № 10. С. 40-51.

¹⁹ Clinton W. Address Before a Joint Session of Congress on Administration Goals // *The American Presidency Project*. 17.02.1993.
URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-before-joint-session-congress-administration-goals>.

²⁰ American Objectives in the Middle East // *The U.S. Department of State*. 14.06.1996.
URL: <https://1997-2001.state.gov/regions/nea/960514.html>

²¹ Davydov A. On the New Quality of the U.S. Middle East Policy // *Russia: arms control, disarmament and international security*. 2022. P. 122-128.

психоземционального стресса в американском обществе из-за терактов, изменения взглядов американской элиты и исторического момента привели к наиболее интенсивному росту стратегического внимания Соединенных Штатов к региону и их вовлечения в ближневосточную проблематику и дела стран Ближнего Востока.

Прямое вовлечение США в политические процессы стран региона произошло в ходе военных кампаний в Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии. Такой отход от традиционного консервативного подхода к вмешательству в дела региона в сторону резко проактивного воздействия на его развитие если и принес определенные положительные результаты, то лишь в краткосрочной перспективе. При этом качественные результаты внешнеполитического курса стали на порядок уступать издержкам, которые Соединенные Штаты понесли в результате подобного вовлечения в региональные процессы. Насильственное свержение правительств Ирака и Ливии посредством прямого вмешательства вооруженных сил США и их союзников, а также предпринимавшиеся с 2011 г. попытки смещения сирийских властей привели к эскалации внутренних противоречий в этих странах, расколу обществ и гражданским войнам²², ослаблению государственных институтов и, как следствие, экспансии международного терроризма в лице «Исламского государства»^{*23}.

В кризисе оказались и отношения с традиционными союзниками США в регионе. Ухудшение взаимопонимания с Египтом произошло из-за отказа Вашингтона поддержать президента Хосни Мубарака в ходе «арабской весны» и обвинений нового главы страны Абдель Фаттах ас-Сиси в авторитаризме, с Израилем — из-за критики относительно поселенческой политики, с Саудовской Аравией — из-за давления властей на журналистов и убийства Джамала Хашогги, с Турцией — из-за недовольства покупкой комплексов С-400 у России и выдвинутых обвинений о вмешательстве Анкары во внутренние дела европейских союзников по НАТО.

Спустя двадцать лет легитимное с точки зрения международного права пребывание сил США и их союзников по НАТО в Афганистане и их попытки реконструировать страну посредством оказания помощи в беспрецедентных объемах завершились сохранением бедственного положения афганского населения и возвращения талибов к власти в Кабуле²⁴.

Итогом активного вовлечения Соединенных Штатов в региональные процессы стало то, что американский истеблишмент стал отказываться от идеи «национального строительства» в третьих странах²⁵, его политика

²² Мамедов Р.Ш. Ирак в начале XXI века: на пути к новой государственности. Москва: ИВ РАН, 2023. 256 с.

²³ Давыдов А.А. Становление ИГИЛ* как итог политики США по «продвижению демократии» // XXV международный Российско-американский семинар в Санкт-Петербургском государственном университете / Под ред. Б.А. Ширяева, Н.А. Цветковой и др. СПб.: Скифия, 2016. С. 63-69.

²⁴ Давыдов А.А. Выход США из Афганистана как предвестник новой эпохи // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2022. №2. С. 63-74.

²⁵ 2016 Republican Party Platform // The American Presidency Project. 18.07.2016. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2016-republican-party-platform>

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

на Ближнем Востоке в начале 2020-х гг. приобрела в значительной степени реактивный характер, а сам регион оказался на периферии внимания Вашингтона.

Возвращение Д. Трампа и перспективы американской политики на Ближнем Востоке

Неожиданно уверенная победа республиканцев на президентских выборах в 2024 г. создает возможность для реализации качественно нового внешнеполитического курса в отношении Ближнего Востока в течение ближайших четырех лет. Для вновь избранного президента Д. Трампа второй срок полномочий будет последним, что позволяет проводить более активную внешнюю политику без пристальной оглядки на предпочтения избирателей. Кроме того, пространство для маневра становится шире благодаря преобладанию республиканцев как в Сенате, так и в Палате представителей. Ближайшие два года до промежуточных выборов в Конгресс в 2026 г. для Д. Трампа и Республиканской партии в целом можно охарактеризовать как период максимально широких возможностей для реализации тех инициатив, которые кажутся им наиболее приоритетными.

Смена администрации в Вашингтоне способна привнести принципиально иную динамику в действия США на Ближнем Востоке. Маловероятно, что возвращение Д. Трампа в Белый дом полностью повторит последнюю из ранее сформулированных стратегий США в регионе, которая строилась всецело на антииранском стержне. Тем не менее у Соединенных Штатов мало серьезных рычагов давления на Тегеран за исключением угрозы использования военной силы. Сдерживание ракетной и, тем более, ядерной программы Ирана, а также противодействие увеличению влияния Тегерана в регионе останутся среди наиболее приоритетных задач для республиканской администрации. Однако потенциальная военная конфронтация с одной из самых крупных стран региона идет вразрез с лозунгом Д. Трампа о намерении прекращать, а не начинать войны, и может негативно сказаться на безопасности главного союзника Соединенных Штатов на Ближнем Востоке — Израиля.

Процветание и безопасность Израиля могут стать единственной внутрирегиональной целью, на которой будет сосредоточено внимание республиканской администрации. Неслучайно премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху оказался первым иностранным лидером, с которым Д. Трамп провел телефонный разговор после своего избрания. С высокой долей вероятности главными императивами новой администрации в регионе станут дальнейшее продвижение «Соглашений Авраама» и практическое решение проблемы безопасности Израиля, связанной прежде всего с угрозами, исходящими с территории сектора Газа и Ливана.

Стратегическое целеполагание вокруг других вопросов и аспектов ближневосточной проблематики будет в первую очередь определяться внерегиональными приоритетами. Урегулирование текущей проблемы безопасности

Израиля, как и достижение какого-либо перемирия между Россией и Украиной, позволит больше сосредоточиться на решении главной стратегической задачи внешней политики США — противодействии росту влияния Китая. Значительная часть таких вопросов региональной повестки, как борьба с международным терроризмом, оказание гуманитарной и социально-экономической помощи, нивелирование противоречий союзных для США курдов с их неприятелями, укрепление институтов государственности в странах для поддержания региональной стабильности, окажутся на втором или даже третьем плане и будут решаться в большинстве случаев не на высшем стратегическом, а на бюрократическом уровне.

В этой связи значительную динамику могут приобрести американо-саудовские отношения. Королевство Саудовская Аравия (КСА) — один из наиболее крупных рынков сбыта американских вооружений. Примечательно, что до 2024 г. действовали юридические договоренности, согласно которым КСА продавало свою нефть исключительно за доллары. Более того, положение Эр-Рияда как одного из ключевых поставщиков нефти в Китай, наличие у страны возможности воздействовать на мировой энергетический рынок и готовность вести переговоры о дипломатическом признании Израиля значительно увеличивают вероятность того, что администрация Д. Трампа будет добиваться долгосрочных договоренностей с Саудовской Аравией для решения стратегических целей американской внешней политики.

Тем не менее общая вовлеченность США в региональные процессы с малой долей вероятности останется на том же уровне, что была в начале XXI в. Политический истеблишмент Соединенных Штатов стал выстраивать свою стратегию в отношении стран региона в соответствии с проблемами, которые в большей степени сопряжены не с локальной, а с более широкой международной повесткой. С высокой долей вероятности в период очередного президентского срока Д. Трампа в политике Соединенных Штатов по отношению к Ближнему Востоку будет сохраняться и укрепляться тенденция к снижению приоритетности региона, в том числе в сравнении со стратегическими императивами в Европе и особенно в Азии, обозначенными уходящей администрацией Дж. Байдена.

Глава 3. Политика Европейского союза на Ближнем Востоке

Оганисян Л.Д.

Ближнему Востоку и Северной Африке (БВСА) отведено особое место в системе внешнеполитических приоритетов Европейского союза. Географическая близость, исторические и культурные связи со странами региона, интересы в сфере экономики и энергетики делают европейцев крайне чувствительными к вопросам обеспечения безопасности и стабильности на своих южных рубежах.

На протяжении долгого времени ЕС предпринимал усилия по политическому конструированию территориально близкого пространства. Хотя активизация внимания тогда еще Европейского экономического сообщества к БВСА наметилась в 1970-е гг., современная политика ЕС в регионе берет начало с Барселонской конференции 1995 г., запустившей Евро-средиземноморское партнерство²⁶. Другими «столпами» политики Евросоюза в регионе стали инициированная в 2004 г. Европейская политика соседства²⁷ и созданный в 2008 г. Союз для Средиземноморья²⁸. Эти три взаимодополняющих инструмента были призваны содействовать обеспечению стабильности в БВСА путем стимулирования демократического развития арабских государств и распространения европейских ценностей и норм. Однако необходимость поддержания бесперебойных поставок энергоресурсов, масштабное торгово-экономическое сотрудничество и интересы безопасности традиционно стояли выше императивов демократизации и объясняли логику взаимодействия с местными авторитарными правителями.

«Арабская весна» нарушила определенную инерционность курса ЕС, обнаружив серьезные изъяны в его политике и неспособность государств — членов объединения согласовать позиции по вопросам региональной безопасности. ЕС расценил революционные события 2011 г. как начало демократизации государств региона и направил усилия на поддержку реформ в арабских странах, используя поощрительные инструменты. Однако эффективность такого подхода оказалась невысокой. Усилия Евросоюза имели успех в тех немногих странах, где новые власти сами взяли курс на демократические преобразования — в частности, в Тунисе.

К середине 2010-х гг. непродолжительный период оптимизма относительно политических процессов в регионе сменился ростом алармистских настроений, усиленных дальнейшей дестабилизацией политической обста-

²⁶ Barcelona Declaration // The Council of the European Union. November 1995. URL: https://www.cvce.eu/en/obj/barcelona_declaration_27_and_28_november_1995-en-0beb3332-0bba-4d00-bd07-46d8f758d897.html

²⁷ European Neighbourhood Policy Strategy Paper // Commission of the European Communities. 12.05.2004. URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/system/files/2019-01/2004_communication_from_the_commission_-_european_neighbourhood_policy_-_strategy_paper.pdf

²⁸ Barcelona Process: Union for the Mediterranean Communication from the Commission to the European Parliament and the Council, Barcelona Process: Union for the Mediterranean // Commission of the European Communities. 20.05.2008. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/docs_autres_institutions/commission_europeenne/com/2008/0319/COM_COM\(2008\)0319_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/docs_autres_institutions/commission_europeenne/com/2008/0319/COM_COM(2008)0319_EN.pdf)

новки в БВСА, наплывом беженцев в Евросоюз, миграционным кризисом 2015–2016 гг. и увеличением террористической активности на территории государств — членов ЕС. Все это повлияло на внутреннюю социально-политическую динамику в Европе, спровоцировав углубление раскола между странами Евросоюза, рост поляризации общества, национализма и евро-скептицизма, и стало одним из катализаторов выхода Великобритании из ЕС. На этом фоне курс Евросоюза на поддержку демократических перемен в странах региона уступил место императивам стабилизации обстановки на южных рубежах.

Смена приоритетов политики ЕС на Ближнем Востоке нашла отражение в новых стратегических документах. В пересмотренной в 2015 г. Европейской политике соседства²⁹ и принятой в 2016 г. Глобальной стратегии ЕС по внешней политике и политике безопасности «Общее видение, единое действие: более сильная Европа»³⁰ Брюссель признал необходимость занять более прагматичную позицию, чтобы эффективнее содействовать стабилизации ситуации в Южном Средиземноморье, в том числе посредством повышения «стрессоустойчивости» (*resilience*) государств и обществ, т.е. их способности реформироваться и преодолевать внутренние и внешние кризисы.

25-я годовщина подписания Барселонской декларации ознаменовалась признанием властями ЕС того, что проблемы в регионе не только не были решены, но и обострились на фоне пандемии *COVID-19*. В начале 2021 г. в Брюсселе Европейская комиссия представила «Новую повестку дня для Средиземноморья»³¹, которая была призвана стать обновленной основой отношений ЕС со странами БВСА. Документ определил широкий спектр направлений сотрудничества: от поддержки в сфере здравоохранения, создания условий для «двойного перехода» — зеленого и цифрового, обеспечения устойчивости к изменению климата до взаимодействия в целях разрешения конфликтов. Документ также включал экономический и инвестиционный план для стимулирования долгосрочного социально-экономического развития государств региона. Однако несмотря на выделение целого ряда сфер для партнерства, новая стратегия ЕС продолжала «старый» курс, делая акцент на решении тех проблем, которые волнуют европейские страны — на миграционной проблеме и на укреплении торговых отношений с южными соседями.

В последние годы региональная динамика БВСА заметно изменилась. На это среди прочего влияют такие факторы, как политическая активность России,

²⁹ Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Review of the European Neighbourhood Policy // European Commission. 18.11.2015. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/enp/documents/2015/151118_joint-communication_review-of-the-enp_en.pdf

³⁰ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy // European External Action Service. June 2016. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf

³¹ Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Renewed partnership with the Southern Neighbourhood. A new Agenda for the Mediterranean // European Commission, High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. 09.02.2021. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/joint_communication_renewed_partnership_southern_neighbourhood.pdf

усиление политического и экономического влияния Китая на фоне относительного снижения участия США в региональных процессах, непрочность двусторонних и многосторонних союзов и партнерств, нарастание соперничества и напряженности. Не будучи ключевым внерегиональным игроком в трансформационных процессах в регионе БВСА, ЕС пытается адаптироваться к новым реалиям.

Сегодня регион является источником нестабильности и трансграничных угроз безопасности ЕС. В условиях конфликтов и кризисов, природных, социальных и политических катаклизмов, растущего дефицита пресной воды и продовольствия во многих точках региона все более широкие слои населения остро нуждаются в гуманитарной помощи. Евросоюз выступает крупнейшим донором такой помощи, в том числе для Сирии и миллионов сирийских беженцев в соседних странах, для Йемена, для Ближневосточного агентства ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР), через которое направляется основная поддержка в сектор Газа, для пострадавших в ходе разрушительного землетрясения февраля 2023 г. в Турции и Сирии и др. В начале 2024 г. Еврокомиссия одобрила годовой бюджет на гуманитарную помощь со стороны ЕС в размере более 1,8 млрд евро, при этом четверть этой суммы (470 млн евро) планируется выделить именно для БВСА³².

Евросоюз является также крупнейшим донором помощи развитию. Бюджетные средства ЕС направляются на достижение широкого спектра целей: от содействия продвижению демократических ценностей и норм до стабилизации обстановки в странах региона и контроля миграционных потоков. Со второй половины 2010-х гг. одной из новых тенденций в политике помощи Евросоюза стало все более активное финансирование ключевых задач безопасности. ЕС существенно увеличил финансовую поддержку инициатив по усилению пограничного контроля и контртеррористического потенциала арабских государств³³.

В 2023–2024 гг. число просителей убежища в ЕС приблизилось к пиковым показателям 2015 г. В этих условиях наметились две ключевые тенденции: секьюритизация миграции, т.е. рассмотрение ее как угрозы безопасности, и развитие внешнего измерения политики миграции и убежища ЕС, т.н. экстернализация или аутсорсинг миграционных проблем. Последняя предполагает расширение взаимодействия со странами исхода и транзита мигрантов в целях сдерживания потоков нелегальной миграции в Евросоюз. В рамках такого подхода в 2023 г. ЕС заключил всеобъемлющее соглашение с Тунисом. Оно подразумевает усиление пограничного контроля в обмен на финансовую поддержку и, по замыслу европейских политиков, должно

³² The Commission announces initial humanitarian aid of €1.8 billion for 2024 // European Commission. 12.02.2024. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/montenegro/commission-announces-initial-humanitarian-aid-€1.8-billion-2024_en?s=225

³³ Подробнее см.: Youngs R., Zihnioglu O. EU Aid Policy in the Middle East and North Africa: Politicization and its Limits // *Journal of Common Market Studies*. 2021. Vol. 59. P. 126-142; Бартнев В.И. Международная помощь странам Ближнего Востока и Северной Африки: управляя рисками. Доклад № 62/2020. Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2020. 116 с.

было стать образцом для будущих договоренностей ЕС с третьими странами³⁴.

Миграционные соглашения не пользуются популярностью в странах БВСА и рассматриваются как попытка навязать выполнение полицейских функций в интересах ЕС, поэтому Брюссель заключает более всеобъемлющие соглашения, в которых миграция является одним из компонентов³⁵. В 2024 г. было подписано несколько подобных соглашений с рядом государств региона. В частности, в марте 2024 г. с Египтом был подписан договор о повышении уровня партнерства до стратегического, которое, наряду с расширением экономического и политического взаимодействия, предполагает сотрудничество в борьбе с нелегальной миграцией и включает пакет помощи в размере 7,4 млрд евро³⁶. В свою очередь Алжир, в отличие от соседей, стремится продемонстрировать большую самостоятельность в миграционных вопросах и воздерживается от заключения подобного соглашения с ЕС³⁷. На фоне роста опасений в южных государствах — членах ЕС относительно рисков увеличения миграционных потоков Еврокомиссия в мае 2024 г. объявила о предоставлении пакета помощи Ливану в размере 1 млрд евро³⁸, что также вписывается в обозначенную логику подхода ЕС к решению проблем миграции.

Курс на развитие внешнего измерения миграционной политики в противоположность усилиям по реформированию миграционного законодательства ЕС³⁹, которое имеет свои изъяны, не вызывает серьезных разногласий между государствами — членами объединения, хотя и не лишен недостатков. Выборы в Европейский парламент в 2024 г., которые привели к усилению правых сил, по всей вероятности, дадут толчок к дальнейшей секьюритизации и экстернализации миграционных проблем.

Этот подход, несмотря на свою относительную эффективность, является объектом критики со стороны правозащитных организаций, представителей политических кругов и научного сообщества ЕС. Он ставит перед отдельными государствами-членами и Евросоюзом в целом этические и имиджевые дилеммы управления миграционными потоками. Однако это только

³⁴ Martini L.S., Megerisi T. Road To Nowhere: Why Europe's Border Externalization Is A Dead End // European Council on Foreign Relations. December 2023. 36 p.; Биссон Л.С., Потемкина О.Ю. Миграционный кризис в ЕС: версия 2.0? // Аналитические записки Института Европы РАН. 2023. № 33 (330). С. 79-88.

³⁵ After Tunisia, Egypt: The EU Launches New Controversial Migration Agreements // The Magret Times. 16.03.2024. URL: <https://themagrebtimes.com/after-tunisia-egypt-the-eu-launches-new-controversial-migration-agreements/>

³⁶ Joint Declaration on the Strategic and Comprehensive Partnership Between the Arab Republic of Egypt and the European Union // European Commission. 17.03.2024. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/STATEMENT_24_1513

³⁷ Ghanem D. Rocky Road Ahead: The Challenges of Eu-Algeria Relations // ISPI. 23.07.2024.

URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/rocky-road-ahead-the-challenges-of-eu-algeria-relations-181457>

³⁸ President von der Leyen reaffirms EU's strong support for Lebanon and its people and announces a €1 billion package of EU funding // European Commission. 02.05.2024. URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/news/president-von-der-leyen-reaffirms-eus-strong-support-lebanon-and-its-people-and-announces-eu-1-2024-05-02_en

³⁹ 14 мая 2024 г. Совет ЕС окончательно утвердил 10 правовых документов Пакта о миграции и убежище, работа над которым велась с 2020 г., и Пакта по убежищу 2016 г. с целью реформировать политику убежища и миграции. Новое законодательство вступит в силу к июню 2026 г.

кратковременное решение проблемы, поскольку такой подход не позволяет устранить коренные причины нестабильности, несмотря на программы помощи, поощрение легальной миграции и т.д. Экстернализация миграции не только не расширяет влияние Брюсселя на страны-партнеры, но и способствует передаче им рычагов давления на ЕС посредством разыгрывания «миграционной карты», что неоднократно находило отражение в действиях Турции. Помимо устранения разногласий по миграционным вопросам, важная задача для Брюсселя в отношениях с Анкарой — поиск способов разрешения ключевых противоречий, в том числе территориальных разногласий в Восточном Средиземноморье, а также новой формулы сотрудничества с Турцией, в то время как переговоры о ее вступлении в ЕС приостановлены.

Для содействия миру и стабильности на южных рубежах в рамках Общей политики безопасности и обороны ЕС развернул несколько гражданских и военных миссий. В частности, в Ливии с 2013 г. действует гражданская миссия *EUBAM Libya*, направленная на укрепление потенциала ливийских властей в обеспечении безопасности границ, а с 2020 г. в Средиземном море осуществляется операция *EUNAVFOR MED IRINI*, среди задач которой предотвращение торговли людьми и контрабанды мигрантов. В 2017 г. в Ираке была развернута миссия *EUAM Iraq* для поддержки реформ в секторе безопасности страны. В феврале 2024 г. ЕС запустил военно-морскую миссию *EUNAVFOR OPERATION ASPIDES* для защиты коммерческих судов от нападений хуситов с целью обеспечить безопасность судоходства в Красном море и нивелировать деструктивные последствия для европейских компаний, вызванные ростом напряженности⁴⁰.

Конфликт на Украине существенно повлиял на подход ЕС к БВСА, повысив значение развития партнерства со странами региона, в том числе на торгово-экономическом и энергетическом треках. Обеспечение доступа к энергоресурсам Ближнего Востока стало одним из ключевых приоритетов для государств — членов ЕС, особенно в условиях обострения отношений с Россией. Важным направлением политики Евросоюза стала интенсификация взаимоотношений с ССАГПЗ, новый импульс которым придало принятие в мае 2022 г. документа о стратегическом партнерстве⁴¹, а в 2023 г. — учреждение поста спецпосланника ЕС в регионе Персидского залива⁴². В 2022 г. Брюссель также приветствовал ряд позитивных процессов в регионе, в числе которых — соглашение с Израилем и Египтом по экспорту газа в Европу, демаркация морской границы между Израилем и Ливаном.

С 2022 г. в стремлении снизить зависимость от импорта российского газа ЕС предпринял шаги по активизации сотрудничества с Алжиром, несмотря

⁴⁰ Missions and Operations // EU Common Security and Defense Policy. March 2024.

URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/2024/EU-mission-and-operation_2024.pdf

⁴¹ Joint Communication to the European Parliament and the Council. A strategic partnership with the Gulf // European Commission, High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. 18.05.2022.

URL: <https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/Joint%20Communication%20to%20the%20European%20Parliament%20and%20the%20Council%20-%20A%20Strategic%20Partnership%20with%20the%20Gulf.pdf>

⁴² EU appoints a new Special Representative for the Gulf region // Council of the EU. 15.05.2023. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2023/05/15/eu-appoints-a-new-special-representative-for-the-gulf-region/>

на разногласия по вопросам миграции и торгово-инвестиционного взаимодействия. По данным за первый квартал 2024 г., Алжир — второй по величине поставщик природного газа в ЕС (19,7%) и обеспечивает 9,9% поставок сниженного природного газа в страны Евросоюза⁴³. Предпринимая усилия по диверсификации поставщиков энергоресурсов, Европейский союз налаживает сотрудничество с государствами региона с целью обеспечения стабильных поставок природного газа, что соответствует его долгосрочным целям декарбонизации.

Интенсификация сотрудничества государств БВСА с западными вне-региональными игроками способствует развитию связей с азиатскими странами, что находит отражение в меняющейся структуре экспорта энергоресурсов, торгово-экономического и инвестиционного взаимодействия. Однако ЕС по-прежнему остается важным партнером стран Ближнего Востока и особенно Северной Африки в сферах энергетики, торговли и инвестиций, а отдельные члены объединения, в частности, Франция, Италия и Германия, являются крупными экспортерами вооружений для государств региона. По данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира (SIPRI), в 2019–2023 гг. в общем импорте оружия государствами Ближнего Востока на Францию пришлось 12%, Италию — 10% и Германию — 7,1%⁴⁴.

На фоне активизации внерегиональных игроков в БВСА государства Средиземноморья, а именно Израиль, Иордания, Марокко, Тунис и Египет стали реципиентами инициативы ЕС «Глобальные ворота» (*Global Gateway*), которая была запущена в 2021 г. в качестве альтернативы китайскому проекту «Один пояс, один путь». Эта инициатива по развитию сети инфраструктурных проектов по всему миру призвана содействовать реализации внешнеполитических и экономических интересов ЕС, а также достижению целей в сфере транспорта, энергетики и климата. Хотя количество проектов, реализуемых в рамках инициативы в странах БВСА, и широта охвата государств региона остаются достаточно скромными, регион считается одним из ключевых направлений внешнеполитической деятельности ЕС⁴⁵. Интерес представляет и анонсированный в 2023 г. запуск транспортного коридора «Индия — Ближний Восток — Европа» (*IMEC*) при участии ЕС, предполагающего создание железнодорожного пути и развитие морской инфраструктуры. Однако масштаб предлагаемой инициативы, финансовые и логистические сложности, политическая нестабильность в регионе ставят множество вопросов о перспективах ее реализации.

⁴³ EU imports of energy products continue to drop // Eurostat. 01.07.2024.
URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/w/ddn-20240701-1>

⁴⁴ European arms imports nearly double, US and French exports rise, and Russian exports fall sharply // SIPRI. 11.03.2024.
URL: <https://www.sipri.org/media/press-release/2024/european-arms-imports-nearly-double-us-and-french-exports-rise-and-russian-exports-fall-sharply>

⁴⁵ Подробнее см.: Rizzi A., Varvelli A. Opening the Global Gateway: Why the EU should invest more in the southern neighbourhood // ECFR. March 2023. URL: <https://ecfr.eu/publication/opening-the-global-gateway-why-the-eu-should-invest-more-in-the-southern-neighbourhood/>; Мельникова Ю., Фамильи Дж. Конкуренция в области развития региональной связанности: «Глобальные ворота» ЕС: Рабочая тетрадь № 84. Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2024. 76 с.

Взятый ЕС курс на повышение эффективности своей политики в БВСА и укрепление роли в региональных делах сталкивается с рядом препятствий. Во-первых, это внутренняя разобщенность, затрудняющая достижение государствами — членами объединения договоренностей по вопросам общей внешней или оборонной политики. В частности, конкуренция между Францией и Италией на ливийском направлении, разногласия по Сирии⁴⁶, которые в последнее время только усиливаются, отсутствие консенсуса по вопросам преодоления миграционных проблем наносят удар по международному имиджу Евросоюза.

Отсутствие единства в ЕС в реагировании на вызовы, исходящие из региона БВСА, вновь было продемонстрировано на фоне эскалации палестино-израильского конфликта, которая началась в октябре 2023 г. Новый виток противостояния усилил поляризацию в европейских обществах и обнажил глубокие разногласия как между странами — участницами объединения⁴⁷, так и между институтами ЕС (например, главой Еврокомиссии, с одной стороны, и президентом Совета и Высоким представителем ЕС по иностранным делам — с другой), продемонстрировав их неспособность координировать свои действия. Множество линий раскола в политике ЕС продемонстрировала и реакция государств-членов на обострение палестино-израильского конфликта. Немало проблем также обнаружил кризис вокруг финансирования БАПОР после обвинений в причастности сотрудников агентства к атаке ХАМАС на Израиль и сложности в согласовании санкций в отношении членов ХАМАС и лиц, нарушающих права палестинцев на Западном берегу. Эти события нанесли чувствительный удар по имиджу объединения в арабском мире. Помочь преодолеть эту разобщенность могла бы работа в более гибких форматах⁴⁸, однако и это не является панацеей и требует времени, усилий и финансовых средств.

Во-вторых, само проведение согласованной политики 27 стран-участниц, зачастую осложненное независимым курсом государств объединения — непростая задача для Евросоюза. На его подход к региону серьезное влияние оказывают США. Разногласия по линии США — ЕС в отношении отдельных проблем в БВСА порой создают дополнительные сложности и риски, как, например, в случае с выводом американских войск из Афганис-

⁴⁶ В июне 2024 г. восемь государств — членов ЕС призвали к более «реалистичной, активной и эффективной политике в отношении Сирии» для усиления политического влияния, повышения эффективности гуманитарной помощи и создания условий, необходимых для возвращения сирийских беженцев. (Подробнее см.: Brzozowski A. Eight EU member states call for Syria policy reset // Euractiv. 22.07.2024. URL: <https://www.euractiv.com/section/global-europe/news/eight-eu-member-states-call-for-syria-policy-reset/>). В июне 2024 г. Италия приняла решение возобновить работу посольства в Дамаске. Это процессы усиливают разногласия внутри объединения, поскольку такие страны, как Франция и Германия, считают, что основные параметры сирийской политики ЕС должны остаться неизменными.

⁴⁷ Несмотря на широкую палитру взглядов государств-членов на отдельные аспекты палестино-израильского конфликта, ЕС подчеркивает свою давнюю приверженность его «справедливому и всеобъемлющему разрешению, основанному на решении о создании двух государств». Подробнее см.: Middle East and North Africa (MENA) // European Union External Service. 02.05.2024. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/middle-east-and-north-africa-mena_en

⁴⁸ Подробнее см.: Kausch K. A Decade of Deadlock. The EU's Shipwreck on Palestine Embodies the EU's Blockade Problem // Joint Brief. March 2024. 9 p.; Mapping European Leverage in the MENA Region // ECFR. URL: https://ecfr.eu/special/mapping_eu_leverage_mena/

тана; применением вторичных санкций в отношении европейских компаний после выхода Соединенных Штатов из Совместного всеобъемлющего плана действий; перспективами урегулирования проблемы иранской ядерной программы, которое было важной целью Евросоюза.

Эти и другие препятствия, связанные со сложностью институциональной системы ЕС, спецификой взаимоотношений между странами — участниками объединения и необходимостью согласования их позиций, приводят к тому, что Евросоюз фокусируется на поиске ответов на насущные вопросы и решении краткосрочных проблем в регионе, нередко жертвуя долгосрочными интересами. Потенциал расширения влияния ЕС в регионе будет зависеть от политической воли государств-членов и способности Евросоюза конвертировать свои экономические и дипломатические активы, ресурсы «мягкой силы», гуманитарной и официальной помощи в политическое влияние в БВСА. Однако на фоне растущей конкуренции в БВСА пространство для использования разного рода рычагов воздействия, прежде всего экономических, на страны региона у ЕС заметно сужается.

Глава 4. Основные приоритеты Китайской Народной Республики на Ближнем Востоке

Ломанов А.В. Подписание в июле 2024 г. в Пекине представителями палестинских фракций декларации о прекращении раскола и укреплении национального единства стало наглядным воплощением роста влияния КНР на Ближнем Востоке. Это событие выглядит еще более весомым на фоне договоренности о восстановлении дипломатических отношений между Ираном и Саудовской Аравией, достигнутой в марте 2023 г. при содействии Китая.

Китайские СМИ начали с оптимизмом рассуждать о том, что КНР удалось создать уникальную модель дипломатического посредничества, способную предложить новые идеи для мира и стабильности на Ближнем Востоке, привнести собственную позитивную энергию⁴⁹. Пекинская декларация палестинских фракций стала подтверждением обоснованности и привлекательности внешнеполитических идеалов Китая, а также способности страны предоставить региону общественные блага в области безопасности.

Масштабы экономического сотрудничества Пекина с регионом устойчиво растут. Объем торговли Китая с арабскими странами увеличился с 36,7 млрд долл. в 2004 г. до 398 млрд долл. в 2023 г.⁵⁰ Торговля КНР с шестью государствами ССАГПЗ возросла с 10 млрд долл. в 2000 г. до 230 млрд долл. в 2021 г.⁵¹

Китайская статистика указывает на очень быстрое расширение торговли с Ближним Востоком: в 2017–2022 гг. ее объем удвоился, в 2022 г. она увеличилась за один год на 27,1%, оставив позади темпы роста торговли КНР со странами АСЕАН (15%), ЕС (5,6%) и США (3,7%)⁵².

Китай стал важнейшим торговым партнером для многих стран региона, неизменно придерживаясь позиции политического невмешательства. Однако недавние успехи в примирении соперничающих стран и группировок были восприняты как несомненное доказательство обретения Пекином политического влияния в дополнение к уже существующему экономическому. Источником эффективности китайской дипломатии называют «мудрость восточной глобальной державы с глубоким культурным и историческим наследием», способной создавать «беспроигрышные стратегические партнерства»⁵³.

⁴⁹ China's mediation in the Middle East, every step is for peace: Global Times editorial // Global Times. 22.07.2024. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202407/1316445.shtml>

⁵⁰ Hong Kong: Key Link Between Mainland China And The Middle East // Forbes. 08.10.2024. URL: <https://www.forbes.com/sites/familyofficehk/2024/10/08/hong-kong-key-link-between-mainland-china-and-the-middle-east/>

⁵¹ China's growing influence in the Middle East // The Strategist. 29.07.2024. URL: <https://www.aspistrategist.org.au/chinas-growing-influence-in-the-middle-east/>

⁵² Sino trade volumes soar with Middle East, Africa // The State Council of People's Republic of China. 17.07.2023. URL: https://english.www.gov.cn/news/202307/17/content_WS64b49b48c6d0868f4e8ddd72.html

⁵³ Wang Zhen. The Significance of the Beijing Declaration // China-United States Exchange Foundation. 08.08.2024. URL: <https://www.chinausfocus.com/peace-security/the-significance-of-the-beijing-declaration/>

Китай исходит из того, что конкретизация планов двустороннего стратегического партнерства будет способствовать стабилизации ситуации в регионе и в мире в целом. Примером реализации такой политики стало подписание в марте 2021 г. Плана всестороннего сотрудничества между Китаем и Ираном, рассчитанного на 25 лет. Документ создает основу для долгосрочного взаимодействия в сфере политики и экономики. Пекин поддерживает Тегеран в защите национального суверенитета и выбранного пути развития, отвергая западную политику односторонних санкций. По неофициальным оценкам, около 90% экспортных поставок сырой нефти из Ирана поступают именно в Китай⁵⁴.

Иранские власти заинтересованы в диверсификации связей с расширением сотрудничества в сферах инвестиций, цифровых технологий, туризма. По данным китайской стороны, в 2023 г. общий объем двусторонней торговли составил 14,66 млрд долл., из которых 10,08 млрд долл. приходится на экспорт из Китая, а 4,58 млрд долл. — на импорт из Ирана в Китай. В первой половине 2024 г. объем торговли между странами составил 6,91 млрд долл., из них 4,75 млрд долл. пришлось на экспорт из Китая, 2,16 млрд долл. — на импорт в Китай⁵⁵.

КНР последовательно поддержала вступление Ирана в ШОС и БРИКС. Пекин не готов откликнуться на западные призывы к ужесточению давления на Тегеран. Во время встречи с иранским президентом Масудом Пезешкианом на полях саммита БРИКС в Казани в октябре 2024 г. Си Цзиньпин назвал Иран страной, обладающей региональным и международным влиянием, хорошим другом и партнером Китая. Он подчеркнул, что стратегическое значение китайско-иранских отношений становится все более заметным по мере того, как в мире ускоренными темпами происходят невиданные за столетие перемены. Си Цзиньпин обещал неуклонно развивать дружеское сотрудничество с Ираном, поддерживать Тегеран в обеспечении национального суверенитета, безопасности и национального достоинства, неуклонном продвижении собственного экономического и социального развития, улучшении и углублении добрососедских и дружественных отношений с соседними странами⁵⁶.

Отношения Китая и Турции, в свою очередь, осложняют турецкая поддержка китайских уйгуров и критика в адрес Пекина за «нарушения прав человека» в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Подобные заявления Анкары негативно сказываются на развитии отношений между государствами.

Период нестабильности в китайском Синьцзяне в 2010-х гг. сопровождался жесткими мерами властей по наведению порядка, обеспечению антитеррористической безопасности и реинтеграции уйгуров в общекайтайское куль-

⁵⁴ China is the customer of 90% of Iran's oil // Energypress. 18.05.2024.

URL: <https://web.archive.org/web/20240705044748/https://energypress.ir/en/china-is-the-customer-of-90-of-irans-oil/>

⁵⁵ Отношения Китая с Ираном (на кит. 中国同伊朗的关系 (最近更新时间: 2024年7月) // МИД КНР. Октябрь 2024. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677172/sbgx_677176/

⁵⁶ Xi Jinping Meets with Iranian President Masoud Pezeshkian // Ministry of Foreign Affairs The People's Republic of China. 24.10.2024. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zyxw/202410/t20241025_11516004.html

турное и правовое пространство. После стабилизации ситуации и частичного смягчения государственной политики поводов для критики стало меньше. Это позволило Анкаре сместить акцент в двустороннем взаимодействии на экономическое сотрудничество.

Турция заинтересована в получении китайских инвестиций и преодолении дисбаланса в двусторонней торговле, который заключается в том, что экспорт Китая в эту страну примерно в десять раз превышает объем импорта. Анкара рассчитывает нарастить поставки своей продукции в КНР и привлечь китайские компании к развитию турецкой энергетики. В июле 2024 г. китайская фирма *BYD* сообщила о планах инвестировать 1 млрд долл. в создание в Турции завода по производству электромобилей⁵⁷. Для турецкой стороны это возможность получить новые технологии и повысить качество национальной промышленности, а для Китая — потенциальная возможность обойти барьеры на пути поставок электромобилей в страны ЕС.

Турецкая поддержка китайской инициативы «Один пояс, один путь» способна упрочить позиции Китая в развитии международной транспортной инфраструктуры на Ближнем Востоке. Воплощением стремления Анкары к многовекторной политике без разрыва связей с США и ЕС стала заявка на вступление в БРИКС, подать которую было бы невозможно без китайской поддержки.

В июле 2024 г. в ходе встречи с президентом Реджепом Эрдоганом в Астане на полях саммита ШОС Си Цзиньпин отметил, что Китай и Турция — крупные развивающиеся страны, принадлежащие к глобальному Югу, а между государствами существует широкий консенсус в отношении развития взаимодействия и защиты норм международного права. Си Цзиньпин подчеркнул, что Китай поощряет расширение торговли между сторонами, поддерживает увеличение инвестиций китайских предприятий в Турцию, способствует сотрудничеству в инфраструктурных проектах на упорядоченной основе, поощряет совершение китайскими гражданами туристических поездок в Турцию. По словам китайского лидера, две страны во многом придерживаются одинаковых или схожих взглядов на израильско-палестинский конфликт, украинский кризис и другие проблемы. Китай заявил о готовности укреплять координацию и сотрудничество с Турцией в рамках ООН и Группы двадцати (*G20*)⁵⁸.

При реализации политики в регионе Ближнего Востока китайский мейн-стрим решительно отвергает попытки Запада рассматривать деятельность Пекина на Ближнем Востоке через призму соперничества великих держав. При этом американские эксперты уверены в том, что Китай стремится «оторвать» Ближний Восток от США и его действия в регионе полностью подчинены стратегической цели соперничества с Соединенными Штатами.

⁵⁷ Samson A., Alim A.N. BYD agrees \$1bn deal to build electric vehicle plant in Turkey // Financial Times. 08.08.2024. URL: <https://www.ft.com/content/248743c8-0f97-4d26-85c5-28ebbf9bc327>

⁵⁸ Си Цзиньпин встретился с президентом Турции Эрдоганом (на кит. 习近平会见土耳其总统埃尔多安) // МИД КНР. 04.07.2024. URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202407/t20240704_11448366.shtml

Проблема заключается в том, что стратегическое соперничество с Пекином стало долгосрочным приоритетом политики Вашингтона. Предвзятые суждения о стремлении Китая «потеснить» США, «подорвать американское влияние», «воспользоваться хаосом» в собственных интересах исключают возможности конструктивного китайско-американского сотрудничества в решении региональных проблем.

Споры об ответственности Китая за обеспечение устойчивости американоцентричного миропорядка восходят к началу нынешнего столетия. США были недовольны тем, что Китай пользуется выгодами от участия в глобальной экономике, но не желает тратить силы и ресурсы на поддержание ее устойчивости. В 2014 г. президент Барак Обама прямо назвал Китай «безбилетником», который с выгодой для себя на протяжении тридцати лет подряд пользовался благами созданной США глобальной системы⁵⁹. Формально речь шла о ситуации в Ираке, однако на самом деле был поставлен вопрос о роли Китая в мире. В эпоху торговых войн и технологических ограничений, вводимых Западом против Китая, этот аргумент утратил былой пропагандистский вес.

На протяжении первых трех десятилетий реформ (1980-е — 2000-е гг.), китайские лидеры старательно уклонялись от американских призывов взять большую ответственность за решение мировых проблем, ссылаясь на слабость своей экономической базы и незавершенность реформ. Тогда речь шла не столько о принципиальном нежелании поддерживать построенный на американской гегемонии миропорядок, сколько об опасениях разрушительного воздействия внешнеполитических обязательств на стабильность и экономическую устойчивость Китая. Некоторые китайские эксперты предполагали, что Запад умышленно пытается навязать стране непосильную ношу для того, чтобы вызвать неблагоприятные для Китая последствия. В КНР появились многочисленные публикации с разоблачением придуманной иностранцами «теории ответственности Китая»⁶⁰.

В октябре 2017 г. в докладе на XIX съезде Коммунистической Партии Китая (КПК) Си Цзиньпин объявил о наступлении «новой эпохи социализма с китайской спецификой», в которой разбогатевший за годы реформ Китай должен стать сильным⁶¹. Экономическую слабость более нельзя назвать ключевым аргументом в спорах о международной ответственности. Китай хочет увеличить существенное влияние на глобальное развитие и безопасность. США и ЕС, в свою очередь, пытаются использовать этот настрой для того, чтобы побудить Пекин демонстрировать внешнему миру свое влияние через вмешательство в кризисные ситуации, например, с целью снятия угрозы судоходству в Красном море или для завершения конфликта в секторе Газа.

⁵⁹ Obama labeling China as 'free rider' in Iraq issue // China Daily. 04.09.2014
URL: https://www.chinadaily.com.cn/world/2014-09/04/content_18543889.htm

⁶⁰ Сюй Цзинь. Как относиться к международной ответственности Китая (на кит. 徐进. 如何看待中国的国际责任) // China Science News. 04.11.2013. URL: <http://www.mmlt.com.cn/2013/1104/175832.shtml>

⁶¹ Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК // Синьхуа. 03.11.2017.
URL: https://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm

На состоявшемся в декабре 2022 г. первом китайско-арабском саммите Си Цзиньпин обрисовал контуры долгосрочной политики Китая в отношении арабского мира. Она охватывает взаимную поддержку по защите независимости и суверенитета арабских стран, экономическое сотрудничество, включая строительство инфраструктуры в рамках инициативы «Один пояс, один путь», защиту мира и обеспечение «совместной безопасности». Предложенная Китаем стратегия «восьми больших совместных действий» включает в себя содействие развитию, укрепление продовольственной и энергетической безопасности и системы здравоохранения, повышение благосостояния населения, внедрение «зеленых» инноваций, расширение диалога цивилизаций, реализацию программ поддержки молодых талантов, достижение безопасности и стабильности. Китайский лидер призвал арабских коллег совместными усилиями противостоять исламофобии, сотрудничать по вопросам дерадикализации, выступать против ассоциирования терроризма с конкретными религиями и этническими группами⁶².

На этом саммите Си Цзиньпин провозгласил цель создания «китайско-арабского сообщества судьбы». Это «сообщество» — производная от основополагающей китайской внешнеполитической концепции «сообщества судьбы человечества». Будучи адресованной конкретному региону, концепция предполагает наличие у Китая и арабских стран не только общих ценностей и устремлений, но и набора сформулированных с учетом региональной специфики приоритетных направлений взаимодействия, отвечающих интересам обеих сторон.

Проведение следующего Форума китайско-арабского сотрудничества намечено на 2026 г. Китайская сторона непрерывно совершенствует и уточняет планы сотрудничества, адресованные арабскому миру. В мае 2024 г. Си Цзиньпин заявил, что на фоне больших изменений в мире Китай и арабские страны несут ответственность за возрождение своих наций и ускорение государственного строительства⁶³. По его словам, создание «китайско-арабского сообщества судьбы» отражает общее стремление сторон открыть новую эру в отношениях и создать прекрасное будущее для всего мира. Китайский лидер заявил о готовности сотрудничать с арабской стороной в отстаивании справедливого и упорядоченного многополярного мира и выгодной для всех инклюзивной экономической глобализации, а также создании образца сотрудничества Юг — Юг в глобальном управлении⁶⁴.

⁶² Си Цзиньпин призвал к формированию более тесного китайско-арабского сообщества с единой судьбой (2) // Синьхуа. 12.12.2022. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2022/12/12/c31520-10182632-2.html>

⁶³ Председатель КНР Си Цзиньпин. Развивать дух китайско-арабской дружбы, взяться за руки чтобы построить нацеленное в новую эпоху китайско-арабское сообщество судьбы — основное выступление на открытии первого Саммита Китай — арабские государства (9 декабря 2022, Рияд) (на кит. 中华人民共和国主席习近平. 弘扬中阿友好精神携手构建面向新时代的“中阿命运共同体”——在首届中国—阿拉伯国家峰会开幕式上的主旨讲话 (二〇二二年十二月九日, 利雅得) 《人民日报》(2022年12月10日第04版) // Жэньминь жибао. 10.12.2022. С. 4.

⁶⁴ Там же.

Си Цзиньпин отметил, что стабилизатором двустороннего экономического сотрудничества останутся нефть и газ, торговля и инфраструктурные проекты и призвал быстрее развивать взаимодействие в таких областях, как искусственный интеллект, инвестиции и финансы, возобновляемые источники энергии. В рамках развития стратегии «восемь больших общих действий» он предложил арабскому миру «пять больших конфигураций сотрудничества». Речь идет об активизации инновационного сотрудничества, которое предполагает: создание десятка совместных лабораторий; расширение инвестиционного и финансового взаимодействия; развитие энергетического сотрудничества, включая совместные разработки новых энергетических технологий и производство оборудования; создание более сбалансированной модели торгово-экономического взаимодействия, предполагающей заключение соглашений о свободной торговле и развертывание сотрудничества в сфере электронной торговли; более интенсивные гуманитарные обмены, которые включают совместные исследования в таких областях, как взаимодействие цивилизаций, проведение реформ и развитие.

Китай стремится к расширению сотрудничества с арабским миром, выражая четкую позицию по отношению к палестинской проблеме. Си Цзиньпин назвал Ближний Восток «благодатной почвой для развития», на которой продолжает полыхать огонь войны. Китайский лидер отметил, что хотя после октября 2023 г. палестино-израильский конфликт резко обострился, «война не может продолжаться бесконечно, справедливость не может отсутствовать постоянно, решение о создании двух государств не может произвольно колебаться»⁶⁵. Си Цзиньпин подтвердил, что Китай решительно поддерживает создание полностью суверенного независимого государства Палестина в границах 1967 г. со столицей в Восточном Иерусалиме, выступает за полноправное членство Палестины в ООН и созыв значимой и эффективной международной конференции, направленной на мирное урегулирование конфликта.

В июле 2024 г. во время подписания палестинскими фракциями Пекинской декларации о прекращении раскола и укреплении палестинского национального единства глава МИД Китая Ван И представил китайский «план трех шагов», нацеленный на прекращение кризиса в Газе. Первый шаг — скорейшее достижение всеобъемлющего, прочного и устойчивого прекращения огня, обеспечение доступа гуманитарной помощи и спасателей. Второй шаг — соблюдение принципа «палестинцы управляют Палестиной» и продвижение постконфликтного урегулирования в Газе совместными усилиями. Третий шаг — содействие вступлению Палестины в ООН в качестве

⁶⁵ Председатель КНР Си Цзиньпин. Углублять сотрудничество, открывать будущее, продвигать ускоренное строительство китайско-арабского сообщества судьбы — основная речь на открытии 10-й конференции министерского уровня Китайско-арабского форума сотрудничества (30 мая 2024, Пекин) (на кит. 中华人民共和国主席习近平. 深化合作, 继往开来推动中阿命运共同体建设跑出加速度——在中阿合作论坛第十届部长级会议开幕式上的主旨讲话 (2024年5月30日, 北京) 《人民日报》 (2024年05月31日第02版)) // Жэньминь жибао. 31.05.2024. С. 2.

полноправного члена и реализация плана о создании двух государств — Израиля и Палестины⁶⁶.

Смещение симпатий Китая в сторону палестинцев и арабского мира происходит в рамках разворота Пекина к полномасштабному сотрудничеству со странами глобального Юга. «Поворот на Юг» в значительной мере обусловлен деградацией отношений с Западом и стремлением найти новых перспективных зарубежных партнеров. В Китае сейчас много говорят о глобальном Юге и о сотрудничестве с ним. Например, в августе 2023 г. в газете «Жэньминь жибао» был опубликован комментарий, провозгласивший Китай неизменным членом огромной семьи развивающихся стран, разделяющим их ценности и лучше всех понимающим их проблемы⁶⁷.

Более активный диалог Пекина с арабским миром приходит на смену прежней осторожной «равноудаленности» от обеих сторон палестино-израильского конфликта.

Коммунистическая партия Китая взяла курс на сближение с Организацией освобождения Палестины (ООП) в период советско-китайского раскола в середине 1960-х гг. Поддержка палестинского освободительного движения стала для Китая неактуальной в период проведения рыночных реформ и участия в процессах глобализации, однако институциональная память о былом взаимодействии сохранилась до наших дней. Теперь друзья на глобальном Юге вновь востребованы для Китая.

На протяжении двух с половиной десятилетий — с момента установления дипломатических отношений КНР и Израиля в 1992 г. до провозглашения «инновационного всестороннего партнерства» двух стран в 2017 г. — между государствами существовал негласный продуктивный баланс. Он заключался в том, что Китай был заинтересован в сотрудничестве с Израилем как со страной с развитыми технологиями и надеялся на совместное развитие транспортной инфраструктуры вплоть до участия Израиля в инициативе «Один пояс, один путь». Китайская «равноудаленность» была прагматичной и нацеленной на получение экономических выгод.

Ухудшение отношений между США и КНР привело к тому, что Вашингтон заставляет союзников отказываться от сотрудничества с Китаем в высокотехнологичной сфере, от участия в инициативе «Один пояс, один путь» и в любых других китайских инфраструктурных проектах. Зависящий от американской поддержки Израиль неизбежно прислушивается к этим пожеланиям. Разрушение экономических связей ослабляет интерес Китая к сотрудничеству с Израилем, поэтому многое будет зависеть от способности израильских политиков сохранить взаимодействие с Китаем, не допустив окончательного разрушения модели «равноудаленности».

⁶⁶ Палестинские фракции в столице подписали «Пекинскую декларацию о прекращении раскола и укреплении национального единства палестинцев» (на кит. 巴勒斯坦各派在京签署《关于结束分裂加强巴勒斯坦民族团结的北京宣言》《人民日报》(2024年07月24日第03版)) // Жэньминь жибао. 24.07.2024. С. 3.

⁶⁷ Сплочение и самоусиление, продвижение построения равноправного упорядоченного многополярного мира (на кит. 团结自强, 推动建设平等有序的多极世界) // Жэньминь жибао. 09.08.2023. URL: http://www.qstheory.cn/qshyjx/2023-08/09/c_1129793829.htm

Китай неизменно заявляет о необходимости укреплять авторитет ООН и призывает трактовать конфликты на Ближнем Востоке исходя из приверженности принципам организации. Кроме того, КНР стремится предложить региону собственные планы реформирования мирового порядка, изложенные в форме трех глобальных инициатив: Глобальной инициативы развития, Глобальной инициативы безопасности и Глобальной инициативы цивилизаций. В рамках коммуникации со странами глобального Юга, в том числе с государствами арабского мира, Китай никогда не утверждает, что его цивилизация лучше других. Ему гораздо важнее подчеркнуть, что позицию превосходства занимают США и их союзники, претендующие на обладание самыми лучшими институтами и ценностями, в то время как Китай ищет союзников для построения многополярного мира с равноправными отношениями между разными странами.

Фактор американско-китайского соперничества обрел долгосрочный характер и в обозримом будущем будет влиять на отношения Китая со странами Ближнего Востока. В Китае выражают надежды на то, что через десять лет страна сможет добиться экономического и научно-технологического паритета с США по ключевым направлениям. Возможно, это подтолкнет американскую сторону к выводу о бесполезности и бессмысленности продолжения конфронтации. Однако с таким же успехом можно ожидать превращения соперничества двух держав в «новую нормальность» нашего столетия.

Китайское руководство разработало серьезные долгосрочные планы экономических реформ. Ожидаемое превращение Китая в передовую державу в области науки и промышленности приведет к снижению зависимости от западных технологий. Это поможет Пекину укрепить внешнеполитический суверенитет и расширить возможности для проведения активной политики. Кроме того, во взаимодействии со странами глобального Юга Китай сможет взять на себя роль «партнера одного окна» — продавать необходимые товары и технологии, оказывать содействие в области развития, обеспечивать безопасность. Таким образом, сотрудничество стран глобального Юга с Западом утратит безальтернативный характер, что будет способствовать изменению менталитета региональных игроков арабского мира.

Китайские эксперты с оптимизмом смотрят на перспективы взаимодействия с арабским миром. Они полагают, что доверие между Китаем и арабскими странами будет увеличиваться, что позволит им стать партнерами в продвижении совместного развития, строительстве многополярного мира и отстаивании международной справедливости. Волна примирений в отношениях между странами Ближнего Востока станет долгосрочной устойчивой тенденцией, которая придаст импульс строительству «китайско-арабского сообщества судьбы»⁶⁸.

Сложность заключается в том, что сближение Пекина с арабским миром происходит на фоне сокращения взаимного политического доверия между

⁶⁸ Dong Manyuan. Main Manifestations, Causes and Prospect of Leapfrog Development of China-Arab Relations in the New Era // *Contemporary World*. 2023. P. 28-29.

Китаем и странами Запада. В этих условиях перенесение на Ближний Восток модели «игры с нулевой суммой», при которой США считают успехом любой провал китайской политики, может стать источником дополнительной нестабильности.

Глава 5. Основные направления ближневосточной политики Индии

Куприянов А.В.

Для индийских элит и общества характерно особое отношение к Ближнему Востоку, в котором сочетаются восприятие себя как отдельной цивилизации и осознание глубоких исторических, торговых, культурных и политических связей с регионом. Эти связи между политиями Индостана, с одной стороны, и государствами и народами побережья Персидского залива и Красного моря, с другой, восходят ко временам Шумера и Хараппской цивилизации. После начала мусульманской торговой экспансии в регионе Индийского океана и завоевания Северной Индии большая часть Индостана была включена в состав большого исламского мира. В его рамках в Индии сформировался отдельный культурно-экономический и политический центр, опирающийся на специфическую индо-исламскую цивилизацию и поддерживающий связи с другими частями исламского мира благодаря культурным обменам, паломничествам и оживленной торговле по суше и по морю. После британского завоевания эти связи не прервались, но трансформировались: индийские солдаты, полицейские, торговцы и рабочие превратились в агентов Британской империи и сформировали узлы индийской диаспоры по всему миру, не исключая и Ближний Восток. Во время деколонизации диаспора пережила тяжелые времена: в процессе национального самоопределения местных народов и последовавших войн индийцы не раз становились целью актов насилия, многие из них вынуждены были эмигрировать. Но значительная часть диаспоры сохранилась и способствовала налаживанию контактов между независимой Индией и новыми ближневосточными государствами.

В период после получения независимости отношения между Индией и странами Ближнего Востока строились как на экономическом, так и на политическом базисе, причем второй зачастую превалировал. После раздела Британской Индии на Индию и Пакистан властям в Нью-Дели важно было не допустить ситуации, в которой бы весь исламский мир поддержал Пакистан по религиозному признаку. Как следствие, Индия проводила в последующие годы дружественную по отношению к арабским странам политику, взаимодействуя с ними как в рамках Движения неприсоединения, так и на двусторонней основе, выступая в поддержку образования независимой Палестины и против вмешательства бывших метрополий в дела ближневосточных стран. Лишь с окончанием холодной войны и изменением мирового политического и экономического ландшафта индийское руководство смогло скорректировать эту позицию.

При этом независимо от исторического периода существовали тесные низовые связи между населением Индостана и Ближнего Востока и неформальными экономистами этих регионов. До сих пор функционирует единая

система «хавала-хунди»⁶⁹, позволяющая переводить любые суммы денег без официального оформления, причем все попытки со стороны государственных органов взять ее под контроль оканчивались провалом. Действуют неформальные торговые сети, по которым осуществляется контрабанда товаров, наркотиков, оружия и людей.

Индийские интересы на Ближнем Востоке разнообразны. Прежде всего Нью-Дели заинтересован в этом регионе как в источнике дешевых углеводородов, необходимых растущей индийской экономике. Из-за украинского кризиса и разрыва торговых связей России и Европы ближневосточная нефть после 2022 г. уступила свои позиции российской. Это, впрочем, не означает, что подобная ситуация будет длиться вечно — закупка нефти на Ближнем Востоке экономически более выгодна индийским компаниям в силу меньших транспортных расходов.

Во-вторых, богатые арабские монархии Ближнего Востока нужны Нью-Дели как источник инвестиций в экономику страны. Правительство Нарендры Моди реализует амбициозную программу перестройки индийской экономики; для того, чтобы она оказалась успешной, необходимо привлечь средства из-за рубежа. Расчеты на то, что американо-китайский «декаплинг» вынудит западные компании выводить бизнес из КНР и активно инвестировать в Индию как единственную альтернативу, не оправдались: объем прямых западных инвестиций в последние годы постепенно снижается⁷⁰. Для того, чтобы экономическая реформа успешно завершилась, требуется найти другие источники инвестиций, и ближневосточные страны представляются перспективными партнерами. Помимо этого, индийская диаспора в странах Ближнего Востока служит важным источником поступления валюты в индийскую экономику, способствуя развитию малого бизнеса и повышению общей платежеспособности индийского населения.

Ряд стран Ближнего Востока рассматривается индийским руководством как потенциальный источник новых технологий. Пока эту функцию может выполнять только Израиль. Однако масштабные проекты развития, реализуемые Саудовской Аравией и ОАЭ, позволяют надеяться, что со временем они смогут превратиться в технологические хабы.

Наконец, важную роль играют и геополитические соображения. Как полагают индийские политические элиты⁷¹, дальнейшее сближение Нью-Дели со странами Ближнего Востока будет способствовать ослаблению симпатий к Пакистану в регионе и поможет компенсировать китайское присутствие при поддержке США, не допуская дальнейшего роста влияния КНР в регионе

⁶⁹ Хавала — неформальная финансово-расчетная система, действующая на основе взаимозачета требований и обязательств между брокерами (хаваладарами). Хунди — южноазиатский прототип хавалы, имеющий ряд специфических особенностей, но составляющий с хавалой единую финансово-расчетную систему.

⁷⁰ India Suffering a Quiet Decline in Foreign Direct Investment // The Diplomat. 18.03.2024.
URL: <https://thediplomat.com/2024/03/india-suffering-a-quiet-decline-in-foreign-direct-investment/>

⁷¹ India and the Middle East; Closeness of Power Against Pakistan // Institute for Political and International Studies. 02.01.2021.
URL: <https://www.ipis.ir/en/subjectview/622377/india-and-the-middle-east-closeness-of-power-against-pakistan>

Аравийского и Красного морей, Персидского залива, Восточного Средиземноморья и «морского окружения» Индии китайскими базами.

В двусторонних отношениях Индии со странами Ближнего Востока особого внимания заслуживает взаимодействие с Израилем. Формальные отношения двух стран в течение долгого времени были достаточно сложными, так как Индия, несмотря на то, что признала государство Израиль в 1950 г., официально поддерживала идею создания палестинского государства и на дипломатическом уровне придерживалась риторики арабских стран по данному вопросу. Это объяснялось стремлением Индии удержать позицию лидера Движения неприсоединения, а также социалистической ориентацией ее лидеров, что побуждало правительства Джавахарлала Неру и Индиры Ганди сочувствовать делу арабских стран; кроме того, сотрудничество было обусловлено и сугубо практическими соображениями, связанными с поставками нефти. При всем этом неофициальные отношения с Израилем развивались достаточно динамично: Израиль поддерживал Индию во время Третьей индо-пакистанской войны 1971 г. и делился с ней ценной разведывательной информацией. В 1992 г. Индия открыла посольство в Тель-Авиве, а при Нарендре Моди отношения вышли на новый уровень: индийское руководство сумело, невзирая на необходимость поддерживать отношения с арабскими странами и палестинцами, наладить взаимовыгодные отношения с Израилем, заключив с ним серию соглашений о совместной разработке и производстве высокотехнологичной продукции в сферах обороны, космических исследований, сельского хозяйства⁷². Эта страна интересует Индию прежде всего как источник технологий и инвестиций, партнер в сфере ВПК и потенциальный импортер индийской рабочей силы, что поможет создать диаспору наподобие той, которая уже сложилась в странах Залива. Важную роль играют и геополитические соображения: рост китайского экономического присутствия в стране и регионе Индия рассматривает как угрозу своим стратегическим планам по укреплению позиций в Восточном Средиземноморье.

Отношения с Сирией исторически складывались у Индии сравнительно хорошо. Хотя как потенциальный торговый партнер Сирия даже в годы холодной войны уступала многим другим арабским странам, политически обе стороны поддерживали друг друга: Индия признавала справедливыми сирийские претензии на возврат оккупированных Израилем Голанских высот, а Дамаск в свою очередь полагал, что кашмирская проблема должна решаться исключительно на двусторонней основе. В последние годы ситуация изменилась. Гражданская война в Сирии, в которой участвует множество акторов, побуждает Нью-Дели дистанцироваться от вмешательства в ситуацию, так как оно могло бы рассорить Индию с рядом местных и поддерживающих их внешних сил. Инвестиции в нестабильную Сирию экономически невыгодны, и индийская сторона до сих пор успешно уклонялась от всех попыток втянуть ее в участие в сирийских проектах, включая инфраструктурные.

⁷² Pillalamarri A. Why is India's Hindu Right Pro-Israel? // The Diplomat. 24.06.2024.
URL: <https://thediplomat.com/2024/06/why-is-indias-hindu-right-pro-israel/>

Отношения с Ираком традиционно были у Индии наиболее теплыми. Еще в годы Первой мировой войны индийские солдаты сражались на иракской земле с армией Османской империи; после войны существовал даже проект передачи Ирака под контроль властей Британской Индии. После прихода к власти Саддама Хусейна Ирак стал одним из ключевых индийских партнеров и поставщиков нефти. После начала операции «Буря в пустыне» Индия отказалась предоставлять свое воздушное пространство для заправки самолетов коалиции, а позже помогла Ираку обходить режим санкций. Нью-Дели резко отрицательно отнесся к американскому вторжению в Ирак в 2003 г. Свержение Саддама Хусейна и оккупация страны коалиционными войсками на долгое время лишили Индию верного союзника на Ближнем Востоке. Однако со временем индийско-иракские политические и экономические отношения начали восстанавливаться, причем в течение определенного времени Нью-Дели развивал отношения параллельно как с Багдадом, так и с Иракским Курдистаном. Этот процесс ненадолго затормозился из-за экспансии ИГИЛ*, но после разгрома «Исламского государства»* Ирак вновь стал одним из ключевых индийских поставщиков нефти.

Одни из самых ценных партнеров для Индии в настоящий момент — ОАЭ и КСА. Сближение с последним особенно важно для Индии с политической точки зрения: традиционно Саудовская Аравия выступает одним из спонсоров Пакистана, а ее правящие круги поддерживают тесные связи с пакистанскими военными. Нарастание политических и экономических связей, как рассчитывают в Нью-Дели, должно побудить власти КСА занять более взвешенную позицию как по кашмирскому вопросу, так и по индийско-пакистанским отношениям в целом. Насколько можно судить, эта стратегия оправдала себя: во время административной реформы в августе 2019 г., когда Кашмир был лишен статуса штата, Эр-Рияд занял взвешенную позицию, отказавшись, вопреки призывам Пакистана, осудить этот шаг. Как и ОАЭ, Саудовская Аравия представляет для Индии ценный источник инвестиций и углеводородов. Помимо этого, в странах Аравийского полуострова проживает значительное число индийцев. За 2022 г. Индия суммарно получила от своей диаспоры за рубежом 90 млрд долл. Из них на ОАЭ приходится 18% поступлений, на Саудовскую Аравию — 5,1%; на Кувейт, Оман и Катар приходится суммарно еще 5,5%⁷³. Причем объем переводов увеличивается по мере того, как меняется сам характер индийской миграции: если раньше львиную долю мигрантов составляли неквалифицированные рабочие, то в последние годы среди сотрудников из Индии растет процент инженеров и менеджеров.

Важным элементом индийской стратегии на Ближнем Востоке остается Египет — давний партнер Нью-Дели по Движению неприсоединения. Сейчас он интересует Индию и как один из ключевых игроков в регионе, умеренная

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

⁷³ India received \$90bn in remittances in 2022, with UAE as second-biggest source // The National. 18.07.2023.
URL: <https://www.thenationalnews.com/business/money/2023/07/18/india-received-90bn-in-remittances-in-2022-with-uae-as-second-biggest-source/>

позиция которого позволяет Индии выстраивать сбалансированные отношения с Израилем и арабскими странами, и как объект для инвестиций — экономические ворота на Ближний Восток и в страны Северной Африки. Индийские бизнесмены активно инвестируют в разведку перспективных нефтегазовых месторождений и в создание производственных предприятий⁷⁴. В Египте действуют индийские компании по производству лекарств (*Sun Pharma Egypt Ltd, Pharmed Healthcare*). Кроме того, развернуто производство автомобилей для моториш («тук-туков»).

Среди крупных региональных проектов стоит упомянуть *Quad-2* — межгосударственную инициативу по созданию новых финансово-производственных цепочек с участием Израиля, Индии, ОАЭ и США. Изначально Нью-Дели планировал участвовать в нем в качестве поставщика дешевой рабочей силы, надеясь предоставить для реализации этих цепочек свои производственные площадки в расчете на то, что Израиль и США выступят поставщиками технологий, а ОАЭ и США будут финансировать проекты развития.

Своеобразным развитием этой инициативы стал проект транспортно-экономического коридора «Индия — Ближний Восток — Европа» (*India — Middle East — Europe Economic Corridor, IMEC*), который, по замыслу организаторов, начнется в Индии, далее пройдет по территориям ОАЭ, Саудовской Аравии, Иордании, Израиля и Греции. Несмотря на информационную кампанию, которая сопровождала его запуск, и демонстрируемый всеми участниками оптимизм⁷⁵, перспектива развития транспортного коридора, проложенного по этому маршруту, представляется с экономической точки зрения достаточно сомнительной. Это связано с тем, что маршрут через Красное море и Суэцкий канал остается более выгодным, даже несмотря на регулярные атаки хуситов на торговые суда, связанные с Израилем. При этом возможно формирование коридора развития, призванного задействовать потенциал всех стран-участниц и составить альтернативу китайским инфраструктурным проектам. Впрочем, для реализации этой инициативы необходимы, во-первых, значительные инвестиции из стран Юго-Восточной Азии, заинтересованных в расширении экспорта в Европу, и, во-вторых, масштабные капиталовложения в развитие инфраструктуры в границах коридора без каких-либо гарантий того, что проект окажется успешным и принесет прибыль.

Резюмируя, можно сказать, что индийская политика в отношении стран Ближнего Востока определяется как культурно-историческими, так и политико-экономическими факторами. Индийские элиты и население не воспринимают свою страну как чуждую ближневосточному социальному пространству. Индийское руководство подходит к выстраиванию отношений с

⁷⁴ India — Egypt Economic & Commercial Relations // Embassy of India, Cairo, Egypt.
URL: <https://www.eoicairo.gov.in/page/economic/>

⁷⁵ Rizzi A. The infinite connection: How to make the India-Middle East-Europe economic corridor happen // ECFR. 23.04.2024. URL: <https://ecfr.eu/publication/the-infinite-connection-how-to-make-the-india-middle-east-europe-economic-corridor-happen/>; Suri N., Ghosh N., Taneja K., Patil S., Mookherjee P. India-Middle East-Europe Economic Corridor: Towards a New Discourse in Global Connectivity // ORF. 09.04.2024. URL: <https://www.orfonline.org/research/india-middle-east-europe-economic-corridor-towards-a-new-discourse-in-global-connectivity>

ближневосточными государствами крайне прагматично и развивает стратегическое партнерство, рассматривая страны региона в качестве потенциальных инвесторов, надежных поставщиков углеводородов и мест заработка для растущей индийской диаспоры. При этом заявленные масштабные транспортно-инфраструктурные проекты носят пока гипотетический характер: при наличии альтернативы в виде Суэцкого канала их реализация в ближайшем будущем представляется сомнительной.

Глава 6. Внерегиональные акторы в восприятии стран Ближнего Востока

Бочаров И.А.

В 2024 г. во внешней политике стран Ближнего Востока получили развитие некоторые тренды, которые начали формироваться в предыдущие годы. Это коснулось не только фундаментальных процессов, которые наблюдаются в регионе не одно десятилетие, но и сравнительно новых тенденций, связанных в том числе с эскалацией палестино-израильского конфликта.

В условиях трансформации роли внерегиональных акторов на Ближнем Востоке представляется важным рассмотреть восприятие их ближневосточной политики элитами стран региона. С этой целью РСМД в период с июля по декабрь 2024 г. провел серию глубоких полуформализованных интервью с ведущими российскими экспертами по ближневосточной проблематике, включая арабистов, иранистов, израилюведов и тюркологов. Обобщенные оценки экспертов легли в основу этого раздела.

Арабские страны

Прежде всего необходимо отметить, что каждое из арабских государств имеет собственные интересы и выстраивает политику в отношении внерегиональных игроков исходя из тех задач и вызовов, с которыми оно сталкивается. В этих условиях не приходится говорить о каких-то универсальных процессах, которые в равной степени затрагивают каждую страну. Тем не менее в ряде отдельных случаев наблюдаются некоторые сходства при выстраивании отношений с внерегиональными партнерами.

Стремление арабских государств играть более заметную роль в международных отношениях

В последние годы наблюдается некоторое усиление значимости арабских стран в международных отношениях, которое проявляется как на региональном, так и на глобальном уровне. Эксперты ожидают, что в обозримом будущем роль внерегиональных акторов на Ближнем Востоке может стать менее заметной.

Усиление степени участия арабских стран в процессах региональной подсистемы международных отношений происходит в том числе в вопросах, связанных с обеспечением безопасности на Ближнем Востоке. С другой стороны, в представлениях политических элит арабских государств роль Соединенных Штатов в обеспечении региональной безопасности по-прежнему остается важной, если не ключевой. Для многих стран арабского мира США — по-прежнему основной внерегиональный союзник, который предоставляет им значительные гарантии безопасности, а сохранение американского военного присутствия на Ближнем Востоке имеет для них большое значение.

В то же время в арабских государствах обратили внимание на то, что Соединенные Штаты оптимизируют свою политику на Ближнем Востоке и

сокращают возможные издержки на тех направлениях, которые Вашингтон считает бесперспективными; это усилило сомнения политических элит этих стран в надежности американской военной поддержки. Наиболее ярким проявлением этого курса Вашингтона стал вывод войск США из Афганистана летом 2021 г., который в представлении элит арабских государств выглядел несколько хаотично. При этом в последние годы были ситуации, когда в случае возникновения непосредственной угрозы своим союзникам Соединенные Штаты перебрасывали в регион дополнительные силы. В частности, в связи с эскалацией палестино-израильского конфликта в 2023 г. и после обострения ситуации в Ливане США наращивали в Восточном Средиземноморье и в зоне Персидского залива прямое военное присутствие, подтверждая гарантии безопасности своему ключевому союзнику.

Примечательно, что смена акцентов произошла в политике не только Соединенных Штатов, но и других внерегиональных игроков. Хотя ближневосточный «квартет» международных посредников фактически уже давно не функционирует, после нападения ХАМАС на Израиль в октябре 2023 г. и эскалации палестино-израильского конфликта стало еще более очевидно, что внерегиональные акторы не способны оказывать значительное влияние на региональных игроков и не могут заставить их участвовать в процессе политического урегулирования. Исключением стало усиление политической роли Китая, который в 2023 г. содействовал нормализации саудовско-иранских отношений, а в 2024 г. — примирению палестинских группировок, включая ХАМАС и ФАТХ. Однако основой ближневосточной политики КНР по-прежнему остается выстраивание экономических отношений со странами региона. Россия также стала несколько иначе расставлять акценты в своей внешней политике на Ближнем Востоке, что было заметно в том числе на примере событий в Сирии в ноябре-декабре 2024 г.

По мнению А.В. Зелтыня, некоторое ослабление внешнего присутствия в последние годы стимулировало арабские государства корректировать свои внешнеполитические приоритеты и выработать самостоятельную траекторию мышления и осмысления своей внешней политики. В политических элитах арабских стран стала более популярной идея о том, что проблемы Ближнего Востока могут и должны решаться усилиями региональных игроков. Это проявилось в некотором сближении части арабских государств с Израилем (конечно, до 7 октября 2023 г.), который стал все больше «подменять» Соединенные Штаты в отдельных аспектах формирования региональной системы безопасности, в частности, в области ПРО и ПВО⁷⁶. При этом стремление арабских стран к самостоятельности в решении региональных проблем часто сталкивается с проблемой взаимного недоверия и необходимостью привлечения внешних посредников в качестве балансира и гаранта соблюдения договоренностей.

Как отмечает А.И. Яковлев, ряд арабских государств стремится укреплять свой авторитет не только на региональном, но и на глобальном уровне.

⁷⁶ Интервью с Зелтынем А.В.

Страны осознают ограниченность своих возможностей стать глобальными державами, но стремятся продемонстрировать наличие собственных интересов на международной арене, выражают намерение выйти за рамки региональной повестки и участвовать в решении глобальных вопросов, связанных, например, с проблемами глобального потепления или урегулирования международных конфликтов⁷⁷. Так, Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар, Бахрейн и Алжир стремились выступить фасилитаторами в переговорах России и Украины, что подчеркивает их амбиции участвовать в урегулировании конфликтов в качестве медиаторов. Свои посреднические услуги и площадку для переговоров также предлагала ЛАГ.

Одной из усиливающихся тенденций во внешней политике арабских государств становится их бóльшая вовлеченность в участие в многосторонних форматах сотрудничества. Это касается в том числе организаций, имеющих региональную направленность: ЛАГ, ССАГПЗ и Африканский союз. В рамках ССАГПЗ страны — участницы организации формируют стратегические диалоги как с отдельными государствами (например, с США, Китаем, Россией, Индией), так и с объединениями (ЕС) и группами стран (центральноазиатские).

Кроме того, арабские государства в последние годы развивают сотрудничество в рамках тех организаций и объединений, фокус которых выходит за пределы Ближнего Востока и Северной Африки: ООН, Организация исламского сотрудничества (ОИС), ШОС. БРИКС также привлекает некоторые арабские страны как одна из возможных платформ для экономического взаимодействия, хотя их интерес к политической повестке объединения имеет ограниченный характер. Участие арабских государств в международных объединениях позволяет им продвигать свою повестку на новых площадках, а также укреплять свой имидж на международной арене.

Стремление арабских стран играть все более самостоятельную роль в региональных и глобальных процессах может привести к снижению роли внешних игроков в политических процессах на Ближнем Востоке. Тем не менее некоторые внерегиональные акторы могут попытаться укрепить свои позиции. Так, вполне вероятно, что Соединенные Штаты продолжат содействовать политическому урегулированию палестино-израильского конфликта, в том числе привлекая к этому процессу своих союзников в лице арабских государств.

Усиливая свою активность на международной арене и развивая институциональные форматы взаимодействия, арабские страны стремятся не только укрепить свои позиции, но и внести вклад в стабилизацию и развитие региона. При этом их курс на самостоятельность сопровождается поиском баланса между сотрудничеством на региональном уровне и взаимодействием с внерегиональными партнерами.

⁷⁷ Интервью с Яковлевым А.И.

Диверсификация отношений арабских стран с внерегиональными акторами

Среди ключевых тенденций, характерных для внешней политики большинства арабских государств, стоит выделить стремление диверсифицировать связи с внерегиональными игроками. Примечательно, что в ряде случаев речь идет не только об экономическом взаимодействии, но и о сотрудничестве в некоторых «чувствительных» областях, таких как высокие технологии, военно-техническая сфера, атомная энергетика и др.

В вопросах, связанных с обеспечением военного присутствия внерегиональных акторов, заметной диверсификации пока не наблюдается. При этом в отдельных случаях происходит усиление контактов в военной сфере с новыми внешними партнерами, что наиболее ярко проявляется на примере ОАЭ.

Как отмечает В.В. Орлов, в некоторых случаях арабские правительства не стремятся уменьшить опору на США в военно-политической сфере за счет развития отношений с другими внешними партнерами, а наоборот — используют Соединенные Штаты в качестве одного из балансиров влияния других внерегиональных акторов. Так, сотрудничество с США рассматривается в Марокко в том числе как противовес влиянию Франции, а в Алжире — как инструмент балансирования контактов с Россией и Китаем⁷⁸.

Партнерство с Соединенными Штатами сохраняет свою значимость и в вопросах, связанных с экономическим развитием. Однако параллельно с этим наблюдается процесс поиска новых партнеров, готовых содействовать экономическому развитию арабских стран, а также стабилизации ситуации в регионе.

Китай воспринимается в арабских странах как один из ключевых игроков, способных уравновесить влияние США на Ближнем Востоке. Пекин рассматривается главным образом в качестве источника инвестиций и технологий, а также возможного партнера в реализации крупных экономических проектов, и только в отдельных случаях (например, в Сирии до свержения Башара Асада) — как источник возможной политической поддержки. При этом Китай воспринимается в арабских государствах как относительно новый актер на Ближнем Востоке, который стал играть активную роль в регионе сравнительно недавно. В качестве нового этапа китайско-арабского сотрудничества следует выделить запуск глобальной инициативы «Один пояс, один путь», в рамках которой Пекин стал более активно развивать экономическое сотрудничество с арабскими странами.

При этом наращивание экономического присутствия Китая вызывает у арабских стран опасение стать зависимыми от Пекина. Политические элиты государств региона считают, что развитие отношений с КНР отвечает задачам экономического развития, но сопровождающее их политическое влияние в ряде случаев вызывает настороженность относительно ограниченности контроля. Эти опасения особенно сильны у политических элит стран

⁷⁸ Интервью с Орловым В.В.

Северной Африки, которые обращают внимание на пример некоторых африканских государств, чья зависимость, в представлении арабских элит, стала довольно ощутимой.

В этих условиях Нью-Дели играет роль дополнительного элемента в диверсификации отношений с внерегиональными игроками, но индийское влияние в регионе остается достаточно ограниченным. Индия не рассматривается как альтернатива США ни в экономике, ни в сфере безопасности, а ее инвестиции в регион значительно уступают китайским. Более того, экономическое сотрудничество Индии со странами Ближнего Востока преимущественно сосредоточено на странах Персидского залива. В некоторых случаях арабские страны могут рассматривать Нью-Дели в качестве одного из балансирующих растущего экономического влияния Пекина, но это скорее исключение, нежели устойчивая тенденция. Б.В. Долгов обращает внимание на то, что, по мнению арабских элит, в Индии происходит нарушение прав мусульманского населения, что становится негативным фактором при выстраивании отношений с Нью-Дели⁷⁹.

Арабские государства в деле развития отношений с внерегиональными игроками также учитывают фактор их взаимодействия с третьими странами и негосударственными акторами. Так, несмотря на нормализацию саудовско-иранских отношений и уменьшение соперничества аравийских монархий и Тегерана, наращивание военно-политического сотрудничества внерегионального игрока с Ираном в некоторых случаях может оцениваться в арабских странах как нарушение регионального баланса сил. Другим примером могут стать контакты внерегиональных акторов с палестинским движением ХАМАС. Если в Катаре они будут восприняты скорее позитивно, то в ряде других арабских стран (например, в Алжире) на подобное взаимодействие могут смотреть иначе, поскольку это противоречит их традиционной поддержке Палестинской национальной администрации.

При выстраивании сотрудничества с внешними игроками для арабских стран имеет значение и то, как внерегиональные акторы взаимодействуют между собой. Так, в Алжире при выстраивании партнерства с Индией принимают во внимание дружеский характер ее отношений с Россией. В свою очередь, Саудовская Аравия, развивая сотрудничество с Китаем, учитывает состояние американо-китайских отношений. Есть основания полагать, что в случае обострения противостояния между Пекином и Вашингтоном саудовско-китайское сотрудничество будет развиваться менее динамично.

Через диверсификацию внешних связей арабские страны в ряде случаев стремятся усилить свои переговорные позиции в диалоге с другими внерегиональными акторами. Такая политика позволяет им получать дополнительную выгоду от традиционных внешних партнеров.

В целом диверсификация связей с внерегиональными акторами воспринимается элитами арабских стран как возможность выстраивать более сба-

⁷⁹ Интервью с Долговым Б.В.

лансированную внешнюю политику. В то же время, стремясь снизить свою зависимость от традиционных внешних партнеров, арабские государства не хотели бы попасть под слишком сильное влияние «новых партнеров». Арабские страны стремятся контролировать свои стратегические ресурсы и избегать доминирования внешних акторов в национальных проектах; диверсифицируя внешние связи, они хотели бы прийти к балансу между стратегическими интересами, направленными на укрепление суверенитета, и прагматизмом, позволяющим получить экономическую выгоду от развития сотрудничества с разными внерегиональными партнерами.

Экономический прагматизм во взаимодействии с внерегиональными акторами

Экономическое развитие и повышение качества жизни населения остается фундаментальной задачей для арабских стран. Именно поэтому для большинства арабских государств ключевым направлением во взаимодействии с внерегиональными акторами остается экономическое сотрудничество. Прагматизм в выборе партнеров проявляется в ориентации на страны с высоким уровнем жизни, стабильной политической обстановкой и устойчивыми экономическими системами. Арабские элиты стремятся развивать сотрудничество с внерегиональными акторами, которое будет способствовать долгосрочному развитию национальных экономик, включая внедрение управленческих практик.

Арабские страны заинтересованы в укреплении партнерства с внерегиональными державами, так как рассчитывают, что развитие экономического взаимодействия позволит реформировать национальные экономики, провести их технологическую модернизацию, а также получить дополнительные финансовые ресурсы.

В 2010-е гг. целый ряд стран арабского мира запустил программы национального развития, среди наиболее ярких примеров — «Видение 2030» в Саудовской Аравии, «Видение 2030» в Египте, «Видение 2040» в Омане. Несмотря на то, что в каждой из этих программ акцент делается на разных аспектах развития, их основой становится диверсификация национальных экономик, реформирование социально-экономического устройства государств, модернизация инфраструктуры, привлечение инвестиций и повышение устойчивости стран к внутренним и внешним вызовам. Так, Национальная энергетическая стратегия и Национальная водородная стратегия, реализуемые в ОАЭ, направлены на увеличение доли возобновляемых источников энергии в энергетическом секторе.

С принятием ряда программ национального развития в странах Ближнего Востока совпал запуск в 2013 г. глобальной инициативы КНР «Один пояс, один путь», который стал важным драйвером развития китайско-арабских экономических отношений. Китай рассматривает Ближний Восток как важный логистический хаб, а также как ключевой источник энергетических ресурсов. Его инициативы привлекают арабские государства акцентом на

долгосрочные инвестиции в инфраструктурные и промышленные проекты. Так, в Египте Китай зарекомендовал себя как мощный и в то же время требовательный партнер, способный содействовать реализации проектов в областях энергетики, транспорта, торговли, строительства и промышленности.

Перспектива быть включенными в масштабные потоки товаров в качестве транзитной зоны привлекает арабские страны — это, как они рассчитывают, станет важным драйвером их экономического развития. В целом проекты транспортной инфраструктуры начинают играть все большую роль в сотрудничестве арабских государств с внерегиональными акторами, а стремление быть включенными в глобальные логистические потоки становится все более важным направлением их внешней политики.

В этом контексте можно упомянуть проект нового транспортного коридора «Индия — Ближний Восток — Европа» (*IMEC*), предложенный на полях саммита *G20* в сентябре 2023 г. В целом данная инициатива находит понимание и даже одобрение у элит некоторых арабских стран, но эффективность реализации этого проекта для них пока не очевидна. Эскалация палестино-израильского конфликта в 2023 г. снизила приоритетность работы над реализацией *IMEC* — как в связи с участием в этом проекте Израиля, так и из-за ухудшения региональной обстановки в целом. Тем не менее арабские государства, вероятно, в долгосрочной перспективе продолжают проявлять интерес к развитию связей с Индией и другими внерегиональными акторами в вопросах, связанных с реализацией их транзитного потенциала. Не исключено, что работа над проектом *IMEC* продолжится сразу после завершения конфликта в секторе Газа.

Одной из приоритетных областей экономического партнерства арабских стран с внерегиональными игроками остается сотрудничество в технологической сфере — это может позволить не только провести модернизацию экономики, но и укрепить свой имидж в качестве технологически развитых государств. При этом в качестве возможного источника инновационных решений рассматриваются не только крупные внерегиональные акторы, такие как США и Индия, но и другие страны — Республика Корея, Япония, государства — члены ЕС и др. Показателен пример ОАЭ, которые выбрали РК в качестве подрядчика для строительства атомной электростанции. При этом помимо энергетической сферы все большее значение для арабских государств приобретает сотрудничество в области космоса, медицины и ряде других направлений. Россия представляет для арабских стран большой интерес с точки зрения взаимодействия в таких областях, как атомная энергетика, космос, строительство трубопроводов и железных дорог, сельское хозяйство, а также медицина.

Обеспечение продовольственной безопасности также остается важной задачей для арабских стран, что представляется особенно актуальным для государств Северной Африки и Восточного Средиземноморья — здесь этот вопрос имеет большее значение с учетом непростой социально-эко-

номической обстановки в отдельных странах. В целом развитие устойчивых цепочек поставок продовольствия, внедрение технологий в области сельского хозяйства и другие инструменты укрепления продовольственной безопасности в обозримом будущем будут оставаться одним из приоритетных направлений в сотрудничестве арабских государств с внерегиональными партнерами.

Таким образом, экономическое сотрудничество арабских стран с внерегиональными акторами имеет многовекторный характер, охватывая ключевые направления, такие как энергетика, транспорт, технологии, продовольственная безопасность, промышленность и многие другие. Взаимодействие с такими странами, как Китай, Индия, Россия, США, РК, Япония, а также с ЕС, основано на прагматичном подходе и нацелено на обеспечение устойчивого экономического роста и модернизацию национальных экономик.

Сотрудничество арабских стран с внерегиональными акторами в контексте сдерживания региональных угроз

Несмотря на стремление играть бóльшую роль в обеспечении региональной безопасности, арабские государства не только не готовы отказываться от внерегиональных партнеров, но и в ряде случаев активно привлекают их с целью сдерживания различного рода угроз.

В представлении политических элит арабских стран, которые имеют союзнические отношения с США, Вашингтон по-прежнему играет ключевую роль в обеспечении безопасности региона. У ряда аравийских монархий действуют оборонные соглашения с США, которые были заключены после Войны в Персидском заливе 1990 г., что позволяет им получать определенные гарантии безопасности со стороны Вашингтона. Для стран ССАГПЗ имеет большое значение участие США в поддержании систем ПВО и ПРО, а также в обеспечении военно-морской безопасности в регионе Персидского залива, Красном море и Аденском заливе. Американское военное присутствие включает базы в Катаре, Бахрейне, ОАЭ, Саудовской Аравии, Иордании и Омане. Эти базы воспринимаются арабскими странами как своего рода гарантия безопасности в случае возникновения внешних угроз. Исключение — военная база «Эт-Танф» в Сирии, которая появилась в этой стране вопреки позиции действовавшего на тот момент официального правительства.

Как отмечает Е.С. Мелкумян, в последние годы считалось, что основной целью сохранения военных баз в аравийских монархиях была региональная политика Ирана, однако после нормализации саудовско-иранских отношений в 2023 г. акценты несколько сместились. Тем не менее интерес арабских стран к сотрудничеству с США в сфере безопасности по-прежнему остается высоким. Так, Саудовская Аравия стремится получить дополнительные гарантии безопасности, сравнимые с обязательствами в рамках НАТО⁸⁰. Впрочем, Вашингтон пытается увязать заключение нового соглашения

⁸⁰ Интервью с Мелкумян Е.С.

с Саудовской Аравией с возможной нормализацией саудовско-израильских отношений, вероятность которой в краткосрочной и среднесрочной перспективе остается не очень высокой в связи с войной в секторе Газа.

Помимо сохранения непосредственного военного присутствия в ряде арабских стран США оказывают военную помощь Египту в размере 1,3 млрд долл., выделяемых ежегодно⁸¹, а также поддерживают союзнические отношения с Марокко и Тунисом. Для Марокко поддержка США играет большое значение в контексте соперничества с Алжиром и борьбы с отрядами ПОЛИСАРИО в Западной Сахаре.

Ряд других внерегиональных акторов также остается важным для арабских государств с точки зрения сотрудничества в области безопасности. Так, ОАЭ придерживаются более диверсифицированного подхода, выстраивая отношения не только с США, но и с другими странами, в том числе с Францией, Великобританией и Россией. Египет развивает сотрудничество с Индией в области поставок вооружений и проведения совместных военных учений.

По мнению И.Э. Ибрагимова, Россия привлекает внимание арабских стран как независимый и значимый игрок, поддерживающий хорошие отношения со всеми региональными государствами. Это укрепляет ее позиции и позволяет эффективно выступать в роли медиатора. Такой подход проявился в содействии переговорам между противоборствующими сторонами в сложных конфликтах, таких как ливийский и сирийский, посредничестве в сирийско-турецких переговорах, а также в восстановлении дипломатических связей Сирии с арабскими странами и возобновлении ее членства в ЛАГ. Россия активно использует энергетическую дипломатию (в частности, взаимодействуя по линии ОПЕК+), предлагая арабским государствам выгодные условия для сотрудничества⁸². Немаловажно и то, что, несмотря на свержение Башара Асада, Россия пока что сохраняет военное присутствие в Сирии, хотя будущее российских баз в этой стране остается неясным. Кроме того, сотрудничество с Россией в области безопасности остается ограниченным ввиду риска введения санкций со стороны США и понижения уровня военно-политического сотрудничества.

Политическая роль Китая на Ближнем Востоке несколько возросла, так как Пекин выступил посредником в заключении саудовско-иранского соглашения о нормализации двусторонних отношений. Имеет значение и содействие КНР диалогу палестинских группировок, что привело к подписанию соглашения ФАТХ и ХАМАС о «завершении многолетнего раскола» и «об укреплении палестинского единства». Кроме того, поступали сообщения об активизации контактов некоторых аравийских монархий (в частности, ОАЭ) с КНР в военной сфере. Тем не менее уровень взаимодействия арабских стран с Китаем в области безопасности остается несопоставимым с сотрудничеством с США на этом направлении.

⁸¹ US grants Egypt \$1.3 billion in military aid, overriding rights conditions // Reuters. 12.09.2024.

URL: <https://www.reuters.com/world/biden-administration-grants-egypt-13-billion-military-aid-despite-rights-2024-09-11/>

⁸² Интервью с Ибрагимовым И.Э.

В ряде случаев арабские страны заинтересованы в кооперации с внерегиональными партнерами в вопросах, связанных со сдерживанием иных региональных угроз. Так, Марокко сотрудничает с властями европейских стран в борьбе с наркотрафиком и нелегальной миграцией. Кроме того, арабские государства взаимодействуют с внерегиональными державами в вопросах, связанных с противодействием террористическим угрозам. Такое взаимодействие включает в себя не только обмен информацией, но и проведение совместных учений, а также операций, направленных на ликвидацию террористов (в частности, в рамках сотрудничества США и Ирака).

При этом регион по-прежнему сталкивается с угрозами, в которых роль внерегиональных акторов остается ограниченной. За последние годы существенно возросла военная активность негосударственных и полугосударственных акторов, которая в ряде случаев оказывала заметное влияние на региональную динамику. Так, нападения йеменского движения «Ансаралла» на транспортные суда в Красном море и Аденском заливе повлияли не только на экономическую ситуацию в отдельных странах (в частности, в Египте), но и на глобальные цепочки поставок. Обстрелы территории Израиля со стороны ливанской «Хезболлы» привели к эскалации конфликта и проведению израильской операции на территории Ливана, следствием чего стало усиление конфронтации с Ираном. В этом случае возможности внерегиональных акторов сдерживать региональные угрозы были довольно ограниченными.

Таким образом, арабские страны уделяют особое внимание сотрудничеству с внерегиональными державами для сдерживания региональных угроз. Основным внерегиональным союзникам значительного количества арабских государств остаются США. При этом некоторые арабские страны придерживаются более диверсифицированного подхода и сотрудничают в сфере безопасности и с другими внерегиональными акторами.

Неарабские государства

В восприятии неарабскими государствами Ближнего Востока внерегиональных акторов наблюдаются несколько иные подходы.

Основные приоритеты Ирана в выстраивании отношений с внерегиональными державами

США продолжают оставаться доктринальным, военным и политическим противником Ирана. Антиамериканская направленность внешней политики Тегерана остается одной из основ государственной идеологии Исламской Республики. Тем не менее часть иранской элиты считает, что при определенных условиях возможно снижение напряженности в отношениях с Вашингтоном.

Как отмечает Е.В. Дунаева, иранская экономика для выхода из кризиса и дальнейшего развития и подъема уровня жизни населения нуждается в крупных инвестициях и проведении технологической модернизации, однако

в условиях санкционного давления возможности привлечения капиталовложений и получения новых технологий остаются ограниченными. Либерально-центристские и умеренно-консервативные круги в Иране решение этих задач связывают со снятием санкций и улучшением отношений с США и ЕС. В стране также сохраняется интерес к взаимодействию с другими вне-региональными игроками, такими как Япония, Республика Корея, Индия, страны Юго-Восточной Азии⁸³.

В.И. Сажин обращает внимание на то, что с 2016 г., после начала процесса снятия санкций с Ирана в рамках «ядерной сделки», активизировалось сотрудничество страны с ЕС. Это касалось целого ряда сфер экономики, таких как нефтегазовая промышленность, автомобилестроение, химическая промышленность, авиационный транспорт. Тогда иностранные инвестиции стали важным драйвером экономического роста ИРИ. Однако после выхода США из СВПД в 2018 г. и введения американских санкций европейские страны были вынуждены поддержать эти ограничения, что фактически нивелировало достижения в развитии экономических отношений⁸⁴.

Избрание в 2024 г. президентом Ирана Масуда Пезешкиана, который придерживается реформаторских взглядов, создало возможности для снижения конфликтности в ирано-американских отношениях. Примечательно, что даже после начала израильской операции против «Хезболлы» в Ливане Масуд Пезешкиан заявлял о стремлении наладить диалог с США и другими глобальными державами о возобновлении переговоров вокруг «ядерной сделки»⁸⁵.

Однако на стремление части иранской элиты договариваться с США влияют два важных фактора. Первый из них — обострение ирано-израильской конфронтации, которое в 2024 г. привело к прямому обмену ударами между двумя государствами. Учитывая союзнический характер американо-израильских отношений, подобная эскалация выступает серьезным ограничением для возможного снижения напряженности в отношениях Тегерана и Вашингтона. Второй фактор — избрание президентом США Д. Трампа, который, вероятно, будет выстраивать в отношении ИРИ более жесткую политику, в сравнении с той, которую проводила администрация Дж. Байдена. В Иране ожидают усиления давления, которое может выражаться в ужесточении санкционного режима и увеличении поддержки Израиля. Эти факторы ограничивают стремление иранских умеренных сил к смягчению антиамериканской риторики и выступают существенным препятствием для возможного снижения напряженности в отношениях с Соединенными Штатами.

В текущих условиях Китай занимает ключевое место в экономической и внешнеполитической стратегии Ирана. Это крупнейший инвестор в иранскую экономику, что для Тегерана особенно важно в условиях сохраняю-

⁸³ Интервью с Дунаевой Е.В.

⁸⁴ Интервью с Сажиним В.И.

⁸⁵ Gaza crisis reveals 'true nature' of Israeli regime, Iranian President says // UN News. 24.09.2024.
URL: <https://news.un.org/en/story/2024/09/1154841>

щегося санкционного давления. Китай остается заметным игроком в таких отраслях экономики ИРИ, как нефтепереработка, автомобилестроение, производство меди и др. Кроме того, Пекин и Тегеран активно развивают торгово-экономическое сотрудничество. Немаловажно и то, что по ряду вопросов региональной повестки Китай оказывает Ирану некоторую политическую поддержку, что также имеет большое значение для Исламской Республики.

В 2020 г. Иран и Китай подписали соглашение о стратегическом партнерстве на 25 лет, что рассматривалось сторонами как важная веха в развитии двусторонних отношений. Тем не менее выполнение условий договора в настоящее время реализуется в минимальной степени. Взаимодействие Ирана и Китая в экономической сфере сдерживается в том числе санкционными рисками, которые стремится минимизировать китайская сторона.

Иран хотел бы реализовать свой транзитный потенциал и рассчитывает на заметное участие в инфраструктурных проектах в рамках китайской инициативы «Один пояс, один путь». При этом в иранской элите считают, что китайские проекты в большей степени выгодны Пекину, нежели самому Тегерану.

Индия рассматривается Ираном как важный торгово-экономический партнер, особенно в условиях действующего санкционного режима. Экономическое сотрудничество Ирана и Индии продолжает активно развиваться. Так, в 2024 г. было заключено соглашение о совместной эксплуатации иранского порта Чабахар и о привлечении индийских инвестиций в развитие портовой инфраструктуры.

При этом в Исламской Республике с настороженностью воспринимают перспективы реализации проекта международного транспортного коридора *ИМЕС*, который обходит Иран стороной. Популярно мнение, что реализация этого проекта может усилить роль Израиля и Саудовской Аравии в региональных экономических процессах, что вызывает некоторую обеспокоенность Тегерана.

Санкции, введенные против России и Ирана, способствуют сближению двух стран как в экономической, так и в политической сферах. Однако торгово-экономические контакты ограничиваются в основном крупными государственными проектами и редко затрагивают частный сектор. Для Ирана важно развитие финансового сотрудничества с Россией, а также взаимодействие в сфере космоса, энергетики и ряде других направлений.

Таким образом, Иран хотел бы наладить конструктивное взаимодействие с США и ЕС, но текущая политическая ситуация ограничивает это стремление. В этих условиях Тегеран стремится развивать отношения с другими игроками, но угроза введения вторичных санкций снижает возможности для сотрудничества по ряду ключевых направлений. ИРИ продолжает искать партнеров, способных поддержать ее экономическое развитие и технологическую модернизацию. Однако риски эскалации ирано-израильской кон-

фронтации и возможные корректировки американской внешней политики, потенциально способные усилить давление на Тегеран, вынуждают Исламскую Республику занять позицию активного наблюдателя.

Отношения Израиля с основными внерегиональными акторами

Государство Израиль выстраивает сотрудничество с разными внерегиональными акторами, при этом США рассматриваются как стратегический партнер, с которым у еврейского государства сложились «особые отношения». Израиль подчеркивает особый характер американо-израильских отношений, которые базируются на прочном фундаменте взаимной поддержки. При этом США рассматриваются как союзник вне зависимости от того, какая администрация находится у власти — республиканская или демократическая. Стратегический характер двусторонних отношений не позволяет им достигнуть кризисного состояния даже в тех случаях, когда стороны по-разному смотрят на решение вопросов региональной повестки.

Израиль заинтересован в сохранении военного присутствия США в регионе и в участии Штатов в соглашениях, нормализующих отношения с арабскими государствами. В частности, страна позитивно оценивает роль Соединенных Штатов в заключении в 2020 г. «Соглашений Авраама», в рамках которых официальные отношения с еврейским государством установили ОАЭ, Бахрейн и Марокко. При этом израильская политическая элита хотела бы, чтобы США более активно участвовали в нормализации отношений с Эр-Риядом. По мнению опрошенных экспертов, в случае успеха в заключении сделки и установления официальных отношений Саудовской Аравии и Израиля региональные позиции США могут значительно укрепиться. При этом необходимо принимать во внимание то, что перспективы нормализации отношений с КСА представляются неясными, по крайней мере, до окончания боевых действий в секторе Газа.

События 2023–2024 гг. показали, что, несмотря на разность подходов к решению некоторых проблем региональной безопасности, США неизменно поддерживали Израиль в критически важные моменты для еврейского государства. Так, после нападения ХАМАС 7 октября 2023 г. и начала войны в секторе Газа Вашингтон оказал своему союзнику существенную военно-политическую поддержку, направив на Ближний Восток дополнительные силы.

По мнению Л.Р. Хлебниковой, оптимизация ближневосточной политики, проводимая Вашингтоном, вызывает у Израиля опасение, что Соединенные Штаты стремятся переориентировать свое внимание и ресурсы на Азиатско-Тихоокеанское направление. Это в представлении израильской политической элиты может ослабить участие США в обеспечении безопасности своего ключевого союзника на Ближнем Востоке. Израиль ожидает большей определенности и более жесткой позиции США по ключевым вопросам, таким как давление на Иран⁸⁶.

⁸⁶ Интервью с Хлебниковой Л.Р.

Китайская политика на Ближнем Востоке воспринимается Израилем неоднозначно. С одной стороны, с Китаем активно развивается экономическое сотрудничество, особенно в таких областях, как технологии и инфраструктура. Израиль стремится привлечь дополнительные китайские инвестиции в экономику страны. С другой стороны, КНР поддерживает палестинскую сторону в текущем конфликте, что несколько беспокоит еврейское государство. Как отмечает Д.А. Марьясис, в Израиле обратили внимание на то, что Китай содействовал примирению Ирана и Саудовской Аравии в 2023 г. Нормализация саудовско-иранских отношений шла вразрез с израильскими интересами, так как она снизила уровень конфронтации арабских государств с Тегераном, главным противником Израиля.

Кроме того, израильская элита с настороженностью отнеслась к участию Китая в примирении основных палестинских группировок⁸⁷. Несмотря на это, Израиль сохраняет позицию активного наблюдателя в отношении региональной политики КНР и предпочитает развивать экономические и политические связи с Китаем независимо друг от друга.

Израиль хотел бы сохранить нейтральный характер отношений с Россией. В то же время сотрудничество России с Ираном, а также контакты с ХАМАС и «Хезболлой» вызывают у него настороженность. Несмотря на это, израильская политическая элита продолжает искать пути поддержания конструктивных отношений с Россией.

Как отмечает Л.М. Самарская, экономическое сотрудничество Израиля с ЕС обширно и устойчиво, однако политические разногласия, касающиеся палестинского вопроса, серьезно осложняют отношения. Несмотря на конструктивное взаимодействие с отдельными странами — участницами объединения, Израиль в целом не воспринимает ЕС как союзника⁸⁸.

Индию рассматривают в Израиле как важного экономического и военного партнера. Для еврейского государства имеет большое значение военно-техническое сотрудничество с Нью-Дели. Взаимодействие в этой сфере включает в себя не только торговлю вооружением, но и совместное военное производство. Укреплению двусторонних отношений также способствовало осуждение нападения ХАМАС на Израиль 7 октября 2023 г. У двух стран развивается сотрудничество в рамках многосторонних форматов, в частности, объединения *I2U2*, в состав которого также входят ОАЭ и США. Кроме того, Израиль заинтересован в участии в проекте транспортного коридора *IMEC*, в том числе рассматривая это как возможность налаживать связи с арабскими государствами.

Примечательно, что в Израиле не рассматривают Индию как балансир по отношению к Китаю. В то же время, для США предпочтительнее, чтобы их союзник развивал отношения с Индией, а не с Китаем. Так, Соединенные Штаты препятствовали развитию китайско-израильского сотрудничества

⁸⁷ Интервью с Марьясисом Д.А.

⁸⁸ Интервью с Самарской Л.М.

в военной сфере, что отчасти ускорило развитие сотрудничества Израиля и Индии в этой области.

Таким образом, Израиль стремится выстраивать конструктивные отношения с внерегиональными акторами. Развивая сотрудничество с разными внерегиональными партнерами, страна преследует разные цели. Так, в случае с Китаем и ЕС Израиль стремится развивать экономическое сотрудничество, пытаясь «отделить» его от политических разногласий. Во взаимодействии с Россией страна пытается сохранить нейтральные отношения, несмотря на разность взглядов на решение ряда вопросов региональной повестки. Отношения с США носят стратегический характер и имеют для Израиля фундаментальное значение с точки зрения обеспечения безопасности еврейского государства. Во взаимодействии с Индией Израиль стремится развивать как экономическое партнерство, так и сотрудничество в военно-политической сфере.

Основные подходы Турции к выстраиванию отношений с внерегиональными партнерами

Отношения Турции и США характеризуются противоречиями, связанными с ближневосточной политикой Вашингтона. Турция негативно воспринимает поддержку, которую США оказывают курдским группировкам в Сирии, в том числе входящим в состав Сирийских демократических сил (СДС), которые Анкара связывает с запрещенной в Турции Рабочей партией Курдистана. Турция неоднократно обращалась к США с призывами прекратить поддержку СДС, поскольку считает курдские группировки террористическими и представляющими угрозу ее территориальной целостности.

Недовольство Анкары также вызывает политика США в отношении палестино-израильского конфликта. Поддержка Вашингтоном Израиля противоречит официальной позиции Турции, которая выступает за создание независимого палестинского государства. Турция считает, что действия США мешают мирному урегулированию конфликта и приводят к дестабилизации ситуации на Ближнем Востоке.

Кроме того, обеспокоенность Турции вызывает военное присутствие США в Восточном Средиземноморье и Красном море, которые Анкара считает зонами своего стратегического влияния. Негативное восприятие усиливается активным взаимодействием США с соперниками Турции в Восточном Средиземноморье, включая Израиль, Грецию и Республику Кипр. В 2022 г. Соединенные Штаты отменили эмбарго на поставки вооружений Кипру, что вызвало негативную реакцию со стороны Турецкой Республики. Участие американских компаний в разработке газовых месторождений у побережья Кипра воспринимается Турцией как угроза ее национальным интересам.

По мнению А.А. Вернигоры, несмотря на некоторую напряженность в двусторонних отношениях, Турция осознает необходимость взаимодействия с США как в вопросах безопасности, так и в экономической сфере. В представлении турецкой элиты возможное ухудшение отношений с Вашинг-

тоном нанесет большой ущерб Турции, нежели США, и Анкара хотела бы избежать такого сценария⁸⁹.

Китай воспринимается Турцией как важный экономический партнер. Турецкая Республика стремится использовать свой транзитный потенциал и позиционирует себя как важный транспортный хаб для международных проектов. С точки зрения Анкары, особенно важным представляется сотрудничество в рамках китайской глобальной инициативы «Один пояс, один путь». Однако взаимодействие с Китаем не лишено проблем. Турция заинтересована в участии в крупных инфраструктурных проектах в регионе, но при этом интересам Анкары противоречит то, что Пекин предпочитает использовать собственные кадровые ресурсы для реализации таких проектов.

Хотя Турция демонстрирует позитивное отношение к китайским инвестициям и логистическим инициативам, в Анкаре с настороженностью относятся к региональной политике Пекина, что представляется особенно важным в контексте членства Турции в НАТО. При этом Анкара стремится извлечь выгоду из соперничества между Китаем и США на Ближнем Востоке, усиливая переговорные позиции в диалоге с Вашингтоном.

В настоящий момент турецкая элита не считает уйгурский вопрос камнем преткновения в отношениях между Анкарой и Пекином. Примечателен визит министра иностранных дел Турции Хакана Фидана в Синьцзян-Уйгурский автономный округ в июне 2024 г., в ходе которого он заявил о том, что Турция не будет вмешиваться во внутренние дела Китая⁹⁰.

Отношения с Россией занимают особое место в турецкой внешней политике. Для Турции особенно важно придание дополнительного «веса» своей политике на глобальном уровне. Так, Анкара стремится укрепить свои позиции на мировой арене, в том числе в ходе переговоров о реформировании ООН, что потенциально включает вероятное получение Турцией статуса постоянного члена Совета Безопасности. В данном контексте турецкая элита рассчитывает на содействие России в укреплении ее позиций. Другой пример — участие Турции в качестве посредника в российско-украинских переговорах и реализации «зерновой сделки», что также позволило укрепить роль страны не только на региональном, но и на глобальном уровне. Учитывая важность отношений с Москвой, Анкара старается избегать инициатив, которые могли бы привести к существенному ухудшению двусторонних отношений.

Интерес Турции к БРИКС тоже связан со стремлением играть более заметную роль в мировой политике. Несмотря на перспективы развития экономического сотрудничества в рамках объединения, Турция осознает слабость его институциональной структуры и пока не имеет четкого представления о возможных выгодах от участия в БРИКС.

⁸⁹ Интервью с Вернигорой А.А.

⁹⁰ Dincer S.D. Turkish foreign minister discusses economic ties, global issues during China visit // Anadolu. 06.06.2024.
URL: <https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/turkish-foreign-minister-discusses-economic-ties-global-issues-during-china-visit/3241559>

В последние годы существенно укрепилась экономическая кооперация России и Турции, что наиболее заметно на примере торгово-экономического сотрудничества. Тем не менее в двусторонних экономических отношениях сохраняются нерешенные вопросы, связанные с банковскими расчетами и отсутствием эффективного решения по созданию в Турции газового хаба.

Отношения между Турцией и Европейским союзом сохраняют преимущественно конструктивный характер. Процесс вступления Турции в ЕС фактически заморожен, что обусловлено политическими разногласиями Анкары и Брюсселя. В то же время сторонам удается решать ряд вопросов, в которых у них получается найти точки соприкосновения. Так, в 2016 г. Турция взяла на себя обязательства по сдерживанию миграционных потоков в обмен на финансовую помощь от ЕС, хотя расходы Анкары на управление кризисом превышают полученную поддержку.

В вопросе палестино-израильского конфликта Турция критикует недостаточную вовлеченность ЕС в «справедливое» в понимании Турции урегулирование ситуации, а также признание объединения ХАМАС террористической организацией, что противоречит позиции Анкары. Несмотря на это, ЕС остается важным партнером Турции, а отношения между сторонами не переходят в состояние кризиса.

По мнению А.Г. Гаджиева, динамику отношений Турции и Индии пока трудно назвать позитивной, что во многом связано с поддержкой Анкарой Пакистана в кашмирском вопросе. Регулярные совместные учения Турции, Азербайджана и Пакистана усиливают восприятие Анкары как союзника Исламабада. В свою очередь, заключение Индией оборонных соглашений с Грецией и Кипром вызывает негативную реакцию турецкой стороны⁹¹.

Турция скептически относится к инициированию транспортного проекта *IMEC*, который пролегает в обход турецкой территории. Президент Турции Реджеп Эрдоган неоднократно подчеркивал важность транзитного потенциала своей страны, продвигая участие Анкары в логистических проектах.

Таким образом, Турция выстраивает отношения с разными внерегиональными акторами, стремясь реализовывать свои стратегические амбиции в качестве не только регионального, но и глобального игрока. Для Анкары имеет особое значение фактор отношений внерегиональных держав с теми акторами, во взаимодействии с которыми у Турции есть напряженность, такими как Греция, Кипр, Израиль, а также Сирийские демократические силы, состоящие преимущественно из курдских ополчений. Турция старается придерживаться конструктивных отношений со своими внерегиональными партнерами, но в случае наличия политических расхождений способна жестко отстаивать свою позицию. Однако несмотря на то, что в отношениях с ними возникают противоречия, Турция старается не допустить существенного ухудшения отношений с внерегиональными акторами.

⁹¹ Интервью с Гаджиевым А.Г.

Выводы

Современные тенденции во внешней политике арабских стран демонстрируют стремление к усилению самостоятельности при сохранении значимой роли внерегиональных акторов. Арабские государства предпринимают шаги к диверсификации своих внешнеполитических связей, придерживаясь прагматичного подхода в выборе партнеров, что позволяет им балансировать между разными внерегиональными игроками. Экономическое сотрудничество остается одним из ключевых направлений их взаимодействия с внешними партнерами, особенно в области технологий, энергетики, продовольственной безопасности и транспортной инфраструктуры. Тем не менее арабские страны проявляют осторожность в попытках снизить зависимость от традиционных партнеров и избежать чрезмерного влияния «новых».

Важным аспектом сотрудничества с внерегиональными партнерами остаются вопросы сдерживания региональных угроз. Арабские государства продолжают полагаться на поддержку США в военной сфере, однако предпринимают шаги к усилению собственного вклада в обеспечение региональной безопасности, что подчеркивает их стремление к большей самостоятельности. При этом США сохраняют ключевую роль в качестве гаранта безопасности региона, хотя оптимизация американской ближневосточной политики порождает сомнения в их надежности среди союзников.

Неарабские государства Ближнего Востока, такие как Иран, Израиль и Турция, демонстрируют несколько иные подходы к взаимодействию с внерегиональными акторами. Часть иранской элиты хотела бы нормализовать отношения с США и ЕС, но в условиях неблагоприятной политической обстановки Иран вынужденно сосредотачивается на сотрудничестве с Китаем и другими партнерами, способными поддержать его экономическое развитие в условиях санкционного давления. Израиль продолжает укреплять свои стратегические отношения с США, одновременно развивая экономическое взаимодействие с другими внерегиональными державами. Страна с настороженностью относится к поддержке отдельными внерегиональными партнерами ее противников, но при этом старается развивать с ними конструктивные отношения, пытаясь минимизировать влияние политических разногласий. Турция стремится использовать связи с внерегиональными акторами для укрепления своей роли не только как регионального, но и глобального игрока. При этом государство старается выстраивать с внерегиональными партнерами прагматичные отношения, несмотря на наличие политических разногласий и конкуренции.

В целом подходы стран Ближнего Востока демонстрируют намерение выстраивать с внерегиональными державами более прагматичные и сбалансированные отношения. Стремление ближневосточных государств решать проблемы региона сталкивается с необходимостью привлекать дополнительные средства — как экономические ресурсы, так и военно-политическую и дипломатическую поддержку — со стороны внерегиональных партнеров. Таким образом, можно предположить, что, несмотря на

возможное снижение роли внерегиональных акторов в политических процессах на Ближнем Востоке, эта роль в обозримом будущем по-прежнему будет оставаться заметной.

Благодарность от автора

Автор главы выражает особую благодарность экспертам за их согласие дать интервью, а также за их мнения и комментарии, которые внесли вклад во всестороннее рассмотрение темы.

Алина Андреевна Вернигора, младший научный сотрудник Центра изучения стратегического планирования ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

Амур Гаджибабаевич Гаджиев, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН.

Борис Васильевич Долгов, ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН.

Елена Викторовна Дунаева, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН.

Андрей Владимирович Зелтынь, старший преподаватель Школы востоковедения Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ.

Ибрагим Эминович Ибрагимов, научный сотрудник Центра ближневосточных исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

Дмитрий Александрович Марьясис, главный редактор журнала «Экономика Ближнего Востока».

Елена Суреновна Мелкумян, ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН.

Владимир Викторович Орлов, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова.

Владимир Игоревич Сажин, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН.

Людмила Максимовна Самарская, заведующая Группой изучения региональных отношений Центра ближневосточных исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

Луиза Романовна Хлебникова, доцент кафедры иудаики Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова.

Александр Иванович Яковлев, главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН.

Заключение

На протяжении истории Ближний Восток неоднократно становился ареной противостояния между ведущими мировыми державами. Несмотря на завершение колониальной эпохи и периода холодной войны, Ближний Восток остается регионом, в котором сталкиваются интересы крупных внерегиональных игроков. В этом контексте представляется важным не допустить перенесения конфронтации между отдельными глобальными державами в регион.

Взаимное недоверие и конфронтация между глобальными игроками усложняют выработку коллективных решений и затрудняют прогресс в создании системы региональной безопасности, а также в содействии устойчивому развитию ближневосточных стран. Кроме того, попытки международных объединений и отдельных держав содействовать разрешению кризисов сталкиваются с ограниченной эффективностью ввиду отсутствия необходимых внутренних условий для их урегулирования.

Перенесение глобальной конфронтации на региональный уровень может также выражаться в гипотетическом усилении давления отдельными внерегиональными акторами на страны Ближнего Востока с целью препятствовать развитию сотрудничества с другими державами. Такое развитие событий представляет серьезную угрозу для долгосрочной стабильности региона.

Последние события, такие как обострение палестино-израильского конфликта, война Израиля и «Хезболлы», а также усиление ирано-израильской конфронтации демонстрируют хрупкость ситуации в регионе. Несмотря на то, что поступают сообщения о возможном установлении режима прекращения огня в секторе Газа, о долгосрочном урегулировании конфликта говорить пока не приходится. Ситуация на Ближнем Востоке остается конфликтной и усугубляется изменениями в региональной расстановке сил. Так, Иран, который традиционно занимал одну из ведущих позиций на Ближнем Востоке, в 2024 г. столкнулся с рядом военно-политических неудач, что ослабило его влияние и привело к еще большему дисбалансу в его противостоянии с Израилем.

Вопрос сирийского урегулирования показывает, что, несмотря на совпадение интересов внерегиональных игроков, в частности, недопущения распада страны, противодействия распространению экстремизма и улучшения гуманитарной обстановки в Сирии, их взаимодействие осложняется взаимным недоверием. Глобальное противостояние и политические разногласия делают совместные действия по Сирии затруднительными.

Последней наглядной иллюстрацией этого положения дел стали недавние попытки дипломатии Евросоюза начать взаимодействие с новыми сирийскими властями. Уже в середине декабря 2024 г. глава внешнеполитического ведомства ЕС Кая Каллас на пресс-конференции после встречи мини-

стров иностранных дел в Брюсселе заявила, что одним из главных условий для диалога должно стать в том числе избавление Дамаска от российского влияния, в частности, от военных баз России в стране. Эту позицию позже подтвердила во время своего визита в Дамаск и министр иностранных дел Германии Анналена Бербок. Такая навязчивая одержимость «российским присутствием» не может не вызывать удивления, особенно с учетом того, что у Брюсселя должно быть много других, более значимых для стран Евросоюза тем, которые стоило бы обсудить с сирийским руководством — будущая судьба сирийских беженцев в Европе, перспективы формирования репрезентативного правительства и конституционные реформы, права женщин и религиозно-этнических меньшинств, массивные израильские удары по сирийской военной инфраструктуре и т.д. Можно лишь надеяться на то, что рано или поздно в Брюсселе смогут более рационально и взвешенно подойти к определению своих приоритетов в отношении как Сирии, так и Ближневосточного региона в целом.

Крупные внерегиональные державы демонстрируют ограниченную готовность брать на себя ответственность за будущее региона. США, традиционно играющие роль основного гаранта безопасности на Ближнем Востоке, оптимизируют свою политику в регионе, что проявляется в том числе в сокращении военного присутствия и военно-политической активности там, где Белый дом считает это целесообразным. Соединенные Штаты стремятся сконцентрировать свое внимание и высвободившиеся ресурсы на Азиатско-Тихоокеанском направлении и на противостоянии с КНР, из-за чего Ближний Восток приобретает для американской внешней политики второстепенное значение. Китай укрепляет свои позиции путем реализации экономических инициатив, в том числе в рамках проекта «Один пояс, один путь», но его политическое присутствие в регионе пока что остается незначительным. Россия, опираясь на исторический опыт военно-политического сотрудничества со странами Ближнего Востока, пытается сохранить свое влияние в регионе, но ее возможности для содействия политической стабилизации региональной обстановки также представляются ограниченными. Интересы ЕС заключаются в развитии с государствами Ближнего Востока торгово-экономических связей и содействии обеспечению безопасности, однако взаимодействие в области сдерживания региональных угроз пока что тоже имеет ограниченный характер. Индия имеет исторически глубокие связи с ближневосточными странами, однако ее присутствие в регионе остается несопоставимым с другими крупными внерегиональными акторами, за исключением отдельных областей сотрудничества.

В этом контексте арабские страны стремятся к усилению своей самостоятельности и диверсификации внешнеполитических связей, что стало важным шагом к укреплению их позиций как на региональном, так и на глобальном уровнях. Арабские государства, выстраивая свои стратегии, демонстрируют сбалансированный подход, направленный на максимизацию экономических выгод и снижение зависимости от традиционных партнеров. Такой курс отражает усилия по достижению баланса между укреплением

суверенитета и прагматизмом в отношениях с крупными внерегиональными акторами.

Иран, находящийся под санкционным давлением, выстраивает отношения с Китаем и другими партнерами, пытаясь избежать международной изоляции. При этом часть иранской элиты хотела бы договориться с США и другими глобальными игроками о решении «ядерной проблемы» ИРИ и снятии экономических санкций. Израиль сохраняет стратегическое партнерство с США, одновременно развивая отношения с другими внерегиональными акторами. В тех случаях, когда взгляды Израиля и его внерегиональных партнеров на решение вопросов региональной повестки отличаются, страна стремится избежать влияния политических противоречий на экономическое сотрудничество. Турция, в свою очередь, пытается реализовывать свои амбиции не только как регионального, но и как глобального игрока. Анкара развивает прагматичные отношения с внерегиональными партнерами, и в случае наличия противоречий с ними способна отстаивать свои интересы, но остается заинтересованной в том, чтобы не допустить ухудшения отношений до кризисного состояния.

Таким образом, региональные державы стремятся к выработке сбалансированной политики, которая позволит одновременно укреплять суверенитет, получать экономические выгоды от сотрудничества с внешними акторами и минимизировать потенциальные риски. Этот процесс, вероятно, будет оказывать заметное воздействие на динамику развития Ближнего Востока в условиях глобальных изменений.

Вместе с тем страны региона пока не готовы взять на себя полную ответственность за решение собственных проблем. Таким образом, фактор внерегиональных акторов по-прежнему остается значимым, а сохранение заметной роли внешних игроков в политических и экономических процессах региона представляется закономерным и предсказуемым. В то же время, их вовлеченность в дела региона остается фрагментированной.

Перспективы стабилизации региона могут быть связаны с более активной и конструктивной вовлеченностью внешних игроков в решение проблем Ближнего Востока. Выработка долгосрочной стратегии, объединяющей интересы как региональных, так и внешних акторов, могла бы стать основой для преодоления текущих вызовов. Однако ограниченность ресурсов глобальных держав, высокий уровень конкуренции, отсутствие доверия между ключевыми игроками, а также сложная международная обстановка делают подобный сценарий в ближайшей перспективе труднодостижимым. В результате Ближний Восток остается ареной глобального соперничества, где локальные кризисы переплетаются с интересами внешних игроков, препятствуя выработке согласованных решений и долгосрочной стабильности.

Об авторах

Кортунов Андрей Вадимович — канд. ист. наук, научный руководитель РСМД.

Аксененок Александр Георгиевич — канд. юр. наук, вице-президент РСМД, Чрезвычайный и Полномочный Посол России.

Давыдов Алексей Андреевич — канд. полит. наук, старший научный сотрудник Центра североамериканских исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

Оганисян Лида Давидовна — канд. полит. наук, доцент факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова.

Ломанов Александр Владимирович — д-р ист. наук, заместитель директора по научной работе ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

Куприянов Алексей Владимирович — канд. ист. наук, руководитель Центра Индоокеанского региона ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

Бочаров Иван Александрович — программный координатор РСМД.

Российский совет по международным делам

Российский совет по международным делам (РСМД) — некоммерческая организация, ориентированная на проведение исследований в области международных отношений, выработку практических рекомендаций в интересах российских органов государственной власти, бизнеса, НКО и иных организаций, нацеленных на внешнеполитическую деятельность. Совет создан решением учредителей в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 2 февраля 2010 года № 59-рп «О создании некоммерческого партнерства “Российский совет по международным делам”».

РСМД — один из ведущих аналитических центров страны, осуществляющий работу по более чем 20 исследовательским направлениям. Экспертная деятельность Совета востребована российскими профильными ведомствами, академическим сообществом, российским и зарубежным бизнесом.

Наряду с аналитической работой РСМД ведет активную деятельность с целью формирования устойчивого сообщества молодых профессионалов в области внешней политики и дипломатии. Совет также выступает в качестве активного участника экспертной дипломатии, поддерживая партнерские связи с зарубежными исследовательскими центрами, университетами, ассоциациями бизнеса.

Председатель Попечительского совета РСМД — министр иностранных дел Российской Федерации Сергей Лавров. Президент РСМД, член-корреспондент РАН Игорь Иванов занимал пост министра иностранных дел России в 1998–2004 гг. и секретаря Совета Безопасности Российской Федерации в 2004–2007 гг. Генеральный директор Совета — Иван Тимофеев. Научным руководителем Совета является Андрей Кortunov.

Для заметок

Российский совет по международным делам

ВНЕРЕГИОНАЛЬНЫЕ АКТОРЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Доклад № 99 / 2024

Верстка — О.В. Устинкова

Источник фото на обложке:
ТАСС / ЕРА

Формат 70×100 ¹/₁₆. Печать офсетная.

Тираж 300 экз.

Российский совет
по международным
делам

Тел.: +7 (495) 225 6283
Факс: +7 (495) 225 6284
welcome@russiancouncil.ru

119049, Москва,
4-й Добрынинский переулок, дом 8

russiancouncil.ru